

# Пути Россіи

Статья шестая \*).

## II

Въ Застѣнномъ Китаѣ живутъ 400 милліоновъ людей — четвертая часть человѣчества. Живутъ тѣсно, точно прижавшись другъ къ другу. Города — людскіе муравейники. Деревни тянутся почти безпрерывной чередой на сотни километровъ. Провинціи, величиной въ большое государство, населены такъ плотно, какъ промышленные округа Бельгіи. Долина Чэнь-ду — «Садъ цвѣтущаго царства» — кормитъ 3.000 людей на квадратномъ километрѣ. — И весь Китай — садъ. Поля отдѣланы съ точностью китайской миниатюры. Въ населенныхъ мѣстностяхъ нѣтъ свободной пяди земли, не встрѣтишь необработаннаго поля. Изъ долинъ поля, грандіознымъ амфитеатромъ, поднимаются на вершины горъ, высотой въ 2-2½ тысячи метровъ. Въ долинахъ рѣкъ, поля спускаются на воду — на бамбуковые плоты. Поверхность земли такъ драгоцѣнна, что ее стараются не занимать подъ жилища. Люди живутъ подъ землей; на землѣ — поля. Земледѣльческія культуры — самыя дорогія и тонкія: рисъ, чай, хлопокъ, шелковица. Урожай — сказочные. Есть мѣстности, гдѣ въ годъ снимаютъ 5-6-7 урожаевъ. Многое объясняютъ климатъ и почва. Желтая земля — самая плодородная въ мірѣ. Но не все дѣло въ природѣ. Китай знаетъ страшныя засухи и наводненія, когда милліоны людей «бредутъ розно». Желтая рѣка — «горе Китая». Она выходитъ изъ береговъ и часто мѣняетъ свое русло — «качается» по Великой китайской равнинѣ на протяженіи 1.000 километровъ. Въ послѣднее наводненіе около милліона людей было выброшено въ море. Больше, чѣмъ

\*) «Совр. Записки», №№ 2, 4, 7, 9, 12, 14, 18.

природѣ, обязать Китай своимъ благоденствіемъ людемъ. Китайцы — удивительные труженики, настойчивые, терпеливые, влюбленные въ землю. Земледѣліе — національная профессія. Китайцы — первый земледѣльческій народъ міра. Къ землѣ они относятся съ трогательной нѣжностью, какъ къ матери. Земля священна. Китайцы молятся землѣ и приносятъ ей жертвы. Обрабатывая, они не насилюютъ землю, не принуждаютъ ее — они ее *проситъ*. Ничего не берутъ, не возвращая обратно. За каждымъ растеніемъ ухаживаютъ, какъ за живымъ существомъ. И земля точно одухотворяется отъ любви и ласки и сторицей возвращаетъ человѣку. Картина цвѣтущаго Китая изумительна. Маленькія поля — четырехугольники — точно драгоценныя произведенія искусства\*). — Но китайцы — не только мастера миниатюры. Они способны и на грандіозное. Великая стѣна — произведеніе, въ сравненіи съ которымъ постройки европейцевъ — «работы пигмеевъ». Въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. Х. великій Юй обуздавъ разливы Желтой рѣки и создалъ водныя сооруженія, въ сравненіи съ которыми С.-Готтардскій туннель — «дѣтская игрушка» (Рихтгофенъ\*\*). Уже въ 5 в. до Р. Х. Императорскій каналъ соединялъ Голубую и Желтую рѣки, и въ 7 в. по Р. Х. «Хлебноносная рѣка» тянулась на тысячу километровъ и составила величайшій искусственный водный путь міра. Водное хозяйство — «рѣки, плотины, мосты, озера, каналы» — въ теченіе тысячелѣтій было на недостижимой высотѣ, и еще теперь европейскіе инженеры съ изумленіемъ останавливаются передъ плотинами, сдерживающими Желтую рѣку\*\*\*). Современный Китай — омертвѣлый, усталый. Дороги, общественныя строенія — въ разрушеніи. Но нѣкогда было иначе. Прекрасныя широкія дороги, выложенныя плитами и обсаженныя высокими деревьями, тянулись во всѣхъ направленіяхъ, прорѣзывали высокія горы и, по искусству и трудности строенія, не уступали современнымъ западнымъ. И города, окруженные грандіозными стѣнами, заключали чудеса строительнаго искусства — дворцы и храмы. — О техническихъ изобрѣтеніяхъ

\*) Simon. La Cité chinoise. Paris 1885.

Reclus. L'Empire du Milieu. Paris 1902.

\*\*) Hirt. The ancient history of China N. J. 1908.

\*\*\*) Tissen. China. 1902.

китайцевъ мало извѣстно. Еще недавно европейскіе историки снисходительно упоминали, что «до нѣкоторыхъ изобрѣтеній китайцы додумались самостоятельно». Но это только европейская гордыня. На самомъ дѣлѣ, величайшія техническія изобрѣтенія, на которыхъ покоится западная цивилизація, сдѣланы китайцами и отъ нихъ — черезъ арабовъ — перениты европейцами. Во 2-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. была изобрѣтена «Повозка, указующая югъ», и въ 5 в. послѣ Р. Х. китайскіе корабли были снабжены компасами. Во 2-мъ вѣкѣ послѣ Р. Х. были изобрѣтены бумага и печатаніе, въ 11 в. — подвижныя буквы, и въ 1328 году, когда европейцы переписывали книги отъ руки, китайскій календарь былъ отпечатанъ въ 3-хъ милліонахъ экземплярахъ. Неизвѣстно, когда китайцы изобрѣли порохъ, но извѣстно, что въ 4-мъ в. п. Р. Х. китайскіе корабли были снабжены огнестрѣльными орудіями и что въ 13 в. въ сраженіяхъ употреблялись ручныя гранаты, пушки и ружье — «копье, выплевывающее огонь». Европейцы переняли у китайцевъ компасъ, бумагу, печатаніе и порохъ; но до огнестрѣльнаго оружія «додумались самостоятельно». Еще удивительнѣе китайскіе прообразы новѣйшихъ изобрѣтеній. Китайцы изобрѣли: въ 5 в. до Р. Х. летательный аппаратъ; въ 3 в. до Р. Х. подводную лодку; въ 231 по Р. Х. самодвижущуюся повозку; въ 417 г. «Повозку съ барабаномъ, отмѣчающимъ мили»; въ 483-500 г. «Тысячемильный корабль», двигавшійся при помощи машинъ; помимо этого, торпеды, панцирные суда, телефонъ и многое другое\*). — На почвѣ матеріальнаго благоустройства, въ періоды подъема, расцвѣтала культурная жизнь удивительной красоты и утонченности. Съ незапамятныхъ временъ Китай — организованное государство, съ математически планированной территоріей, съ точнымъ аппаратомъ управления. Эпоха Чжоу — конецъ 2-го и половина 1-го тысячелѣтія до Р. Х. — вершина культуры. 7-6 в. — классическая эпоха литературы и философіи. Музыку эпохи Чжоу сравниваютъ съ нѣмецкой. Архитектуру и скульптуру эпохи Хань — съ греческой. Эпоха Тань — золотой вѣкъ не только китайской, но и мировой поэзіи. Ли бо и Ду фу — величайшіе поэты всѣхъ

\*) Erkes. China. Gotha 1919.

L. de Saussure. L'origine de la rose des vents et l'invention de la Boussole. Genève. 1923.

временъ. Живопись эпохи Сунъ — лучшее, что дала мировая исторія\*). Въ эпоху Танъ (7-9 в. по Р. X.) Китай — самая цивилизованная страна своего времени. И эпоха Сунъ, по насыщенности духовной и эстетической жизни народа, — быть можетъ, самая утонченная эпоха человечества. Придворная жизнь великихъ императоровъ феерична; «неподражаемая жизнь», какъ о ней говорятъ Небесныя лѣтописи. Въ сравненіи съ нею жизнь Версаля кажется провинціальной и тусклой. Дворцы императоровъ строили сотни тысячъ людей; «Дворецъ безсмертныхъ» — миллионы. Во дворцахъ — поэты, артисты, художники, безъ числа; и праздники несравненнаго блеска и роскоши\*\*). Столица Суновъ Хань-Чжоу — воистину, «Городъ Неба», рай китайцевъ. Съ улыбкой онъ можетъ выдержать сравненіе съ современнымъ Парижемъ и Лондономъ. Онъ — больше 100 миль въ окружности. Его главная улица — 15 километровъ въ длину. Каждое изъ его восьми предмѣстій — больше Венеціи. Въ немъ миллионъ домовъ, и въ томъ числѣ, пятиэтажныхъ; 12.000 каменныхъ мостовъ; тысячи каналовъ, дворцовъ и храмовъ; и главный дворецъ — самый большой въ мірѣ. Въ немъ живутъ 120.000 иностранцевъ, со всѣхъ концовъ свѣта. Его богатства неисчислимы; его издѣлія не знаютъ себѣ равныхъ. Его жители воспитаны, привѣтливы и вѣжливы; и вѣчно веселы и радость царятъ на берегахъ его хрустального озера. «C'est sans faille, la plus noble cité et la meilleure qui soit au monde» — говоритъ о немъ Марко Поло\*\*\*). Или, какъ говорятъ о немъ и объ его собратѣ китайцы: «Наверху — Небо; внизу — Хань-Чжоу и Су-Чжоу». — Когда европейскіе путешественники впервые очутились въ Китаѣ, имъ казалось, что они — въ сказочномъ царствѣ. Повѣствованіе Марко Поло — «Книга чудесъ». Современникамъ она казалась романомъ. Но то, что разсказывали путешественники, не было романомъ, а живой дѣйствительностью, даже мало прикрашенной.

---

\*) *Wilhelm. Chinesische Lebensweise.* Darmst. 1922.

*Grube. Geschichte der chinesischen Literatur.* Leipz. 1909.

*Boerschmann. Baukunst u. Landschaft Chinas.* Berl., 1923.

*Munsterberg. Chinesische Kunstgeschichte.* B. T. II. 1910-12.

\*\*) *Grousset. Histoire de l'Asie.* T. II. Paris, 1922.

*Rosthorn. Geschichte Chinas.* Stuttg., 1923.

\*\*\*) *Marco Polo.* Par Pauthier. Paris, 1865. 2 volumes.

Только дѣйствительность Китая была отличной отъ западной и много прекраснѣй.

Откуда благоденствіе Китая? На какихъ устояхъ строилось его хозяйство? Почему, какъ звѣзды на небѣ, безчисленно его населеніе? Почему, какъ пвѣтушій садъ, его земля?

Европейцы строили свое хозяйство на трехъ устояхъ — личности, свободѣ и собственности. Все другое было преходящимъ и временнымъ. Главный устой — личность. Западная личность — живая, напряженная и творческая. Ея хозяйственная цѣль — овладѣніе природой. Природа — мертвая и бездушная. Человѣкъ безжалостно врѣзается въ нѣдра природы и покоряетъ ее. Покоривъ, владѣетъ ею безраздѣльно. Власть надъ покоренной природой рождаетъ право, неограниченное и ненарушимое; право пользоваанія и злоупотребления. Западная собственность самодержавна и окружена ореоломъ святости. Въ борьбѣ за собственность западная личность беспощадна. Всѣ соперники — враги. Борьба свободна — поставленныя преграды ничтожны. Нельзя убить соперника, но хозяйственно уничтожить — должно. Чѣмъ напряженнѣй борьба, тѣмъ выше хозяйственныя достиженія. Ибо въ борьбѣ закаляется хозяйственная воля личности, растетъ ея энергія, рождается творческая инициатива. Если при этомъ гибнутъ слабые и утверждаются сильные, и создается неравенство, то это такъ надо: міръ сотворенъ на неравенствѣ, и хозяйство поконится на сильныхъ. Таковы устои Запада. Его матеріальныя достиженія изумительны, и хозяйственное зданіе, возведенное на этихъ устояхъ, грандіозно.

Китайцы въ своей тысячелѣтней исторіи, не знали хозяйственныхъ устоевъ Запада. Когда узнаютъ, приходятъ въ содроганіе. Въ Китаѣ нѣтъ личности. Ея нѣтъ въ мірозданіи, въ государствѣ, въ общественной жизни. Нѣтъ и въ хозяйствѣ. Хозяйствуютъ коллективы — семья, родъ, община, корпорація. Человѣкъ — только маленькое, послушное колесико. Потому нѣтъ хозяйственного творчества личности; нѣтъ индивидуальной хозяйственной воли, индивидуальной энергіи, индивидуальной инициативы. Есть только изумительная трудоспособность человѣка и непостижимое мастерство, выточенное тысячелѣтіями. — Нѣтъ въ Китаѣ хозяйственной личности — нѣтъ и индивидуальной хозяйственной свободы. Во всякомъ случаѣ

той, какъ ее понимаютъ на Западѣ. Какъ и въ политикѣ, въ хозяйствѣ Китай — самая свободная страна міра. Ни одна страна не знала той свободы труда, которая существовала въ Китаѣ тысячелѣтія. Не было рабскаго труда, почти не было крѣпостного. Принудительный трудъ въ пользу государства былъ ограниченъ. Наемный трудъ — не правило, а исключеніе. Тысячелѣтія, миллионы людей свободно выбирали свои занятія и свободно трудились для своихъ семей. Государство вмѣшивалось въ хозяйство только для того, чтобы помочь слабымъ сдержать сильныхъ и утвердить поколебленное равновѣсіе. Только въ рѣдкихъ случаяхъ оно занималось само хозяйственной дѣятельностью; только въ исключительныхъ брало на себя хозяйственное руководство страной. Уже столѣтія не существуетъ полицейскихъ ограниченій хозяйствованія. Нѣтъ паспортовъ, нѣтъ внутреннихъ заставъ и пошлинъ; почти нѣтъ монополій; не требуется разрѣшеній на веденіе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Промышленность и торговля почти не обложены. Обложена земля; что исходитъ изъ земли, вторично не облагается. Обложеніе ничтожно. Существуетъ законъ, наказующій тѣхъ, кто предлагаетъ увеличеніе налоговъ. Таковы государственныя рамки хозяйствованія\*). И, тѣмъ не менѣе, объ индивидуальной хозяйственной свободѣ нѣтъ и рѣчи. Китайцы живутъ не законами и не государственнымъ принужденіемъ. Выше законовъ и принужденія правила, традиціи и обычаи. Хозяйственные правила выработаны вѣками и такъ же священны, какъ все правила жизни. Въ священныхъ книгахъ древности есть указанія, какъ надо трудиться во все времена года. И за священными книгами, отъ поколѣнія къ поколѣнію, правительственные календари, «Книги земледѣлія и шелководства», «Дѣла торговцевъ» учатъ правиламъ хозяйствованія, изо дня въ день: какъ сѣять и жать, какъ обрабатывать и удобрять почву, какъ ухаживать за деревьями, какъ варить пищу, какъ изготовлять шелковую пряжу и другія издѣлія, какъ вести торговлю. Люди точно исполняютъ правила и не отступаютъ ни направо, ни налево. Доводятъ трудолюбіе до послѣдняго напряженія, мастерство до высшаго совершенства. Но новаго не творятъ ■

(\*) Weber. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. B. I. 1920.

хозяйственного закона не нарушаютъ \*). -- Еще болѣе, чѣмъ свобода хозяйствованія, непонятна китайцамъ свобода хозяйственной борьбы. Китайцы ненавидятъ хозяйственное соперничество и въ ужасѣ отступаютъ передъ «свободной игрой силъ». Человѣкъ — существо доброе и мирное. Высшія силы возбуждаютъ въ немъ страсти и желанія. Когда страсти и желанія возбуждены, равновѣсіе души нарушается, и человѣкъ становится злымъ и порочнымъ. Борьба возбуждаетъ страсти и ведетъ къ враждѣ между людьми. Вражда — къ безпорядку; безпорядокъ — къ гибели. Китайцы — фанатики порядка. На порядкѣ держится Вселенная. «Лучше — говорятъ китайцы — быть собакой и жить мирно, чѣмъ быть человекомъ и жить въ безпорядкѣ». Можно ли на безпорядкѣ построить хозяйство? Можетъ ли соперничество между людьми привести къ хозяйственному благополучію? Такъ думаютъ западные варвары, ибо въ основѣ ихъ жизни вражда и насиліе. Китайцы строятъ жизнь на любви и единеніи. Потому презираютъ они хозяйственную борьбу и устраняютъ соперничество. Потому хозяйственныя организаціи руководятъ всею поведеніемъ своихъ членовъ и всякія отступленія отъ установленнаго порядка караютъ безжалостно. Нарушеніе хозяйственной дисциплины ведетъ къ изгнанію, бойкоту и даже смерти. Гильдіи и цѣхи опредѣляютъ все хозяйственно значительное въ кругѣ ихъ дѣятельности: мѣры и вѣсы, производство и сбытъ, цѣны на товары, заработную плату учениковъ. Хозяйственные споры разрѣшаются третейскими судами. Разногласія между предпринимателями и рабочими кончаются мирными соглашеніями. И предприниматели, и рабочіе — члены однихъ и тѣхъ же объединеній. Потому экономическое соперничество Китаю почти неизвѣстно. Потому классовая борьба кажется злымъ духомъ. Такъ падаетъ въ Китаѣ одинъ изъ столбовъ Запада — хозяйственная свобода \*\*). — Нѣтъ въ Китаѣ и священнаго устоя западнаго хозяйства — собственности. Есть частное владѣніе, охраняемое закономъ и обычаемъ. Но это право

\*) *K'eng Ischi 'u. Ackerbau und Seidengewinnung in China.* Von Franke, Hamb. 1913.

\*\*) *Macqny. China, die Republik der Mitte.* Berl. 1914.

*Witte. Ostasien und Europa.* Tubing. 1914.

*Lafozadie Hearn. Le Japon.* Paris, 1921.

не священное и не абсолютное. Владѣніе дано человѣку, чтобы трудиться и жить. За небреженіе, онъ лишается его. За злоупотребленіе — наказуется. Жажда власти надъ природой для китайцевъ — варварство. Самодержавное отношеніе къ предметамъ — святотатство. И это естественно. Ибо отношеніе китайцевъ къ природѣ — обратное западному. Природа — не мертвая и не бездушная. И человѣкъ — не ея вассалинъ. Природа жива, отъ камешка до синяго неба. И въ каждомъ предметѣ — своя душа. Тао сотворилъ міръ. Тао — отецъ всѣхъ вещей; Тао — ихъ мать. Тао вездѣ; оно направо и оно налѣво; и десять тысячъ вещей дышатъ его дыханіемъ. Человѣкъ — твореніе Тао; среди твореній, самое разумное. Но онъ — не владыка вещей. Онъ — ихъ братъ и товарищъ. «Небо — нашъ отецъ; Земля — наша мать. Всѣ люди — наши братья и всѣ вещи — наши товарищи». Китайцы любятъ природу нѣжной любовью и чувствуютъ ее такъ, какъ никто на свѣтѣ. Къ вещамъ они относятся съ лаской и трепетомъ. Ибо все—и природа, и вещи—живетъ; и всюду — духи, злые и добрые: духи земли и неба; духи горъ и потоковъ; полей и животныхъ; деревьевъ и хлѣбныхъ злаковъ; храмовъ, домовъ и амбаровъ; стѣнъ, печей и столовъ. Добрыхъ духовъ надо привлечь, злыхъ умиротворить. Потому хозяйство китайцевъ — бережное приспособленіе къ природѣ, благоговѣйная просьба о прощаніи. Когда китаецъ огораживаетъ поле, онъ молится ему. Когда строить домъ, долго совѣщается съ мудрецами, знающими «знаки неба» и «знаки земли»: правильно ли онъ выбралъ мѣсто для постройки, не потревожитъ ли окрестныхъ духовъ. Когда прокладываетъ дороги и каналы, возводитъ мосты и стѣны, онъ дѣлаетъ глубокіе обходы, чтобы не перерѣзать жилъ горъ, не прервать пульса потоковъ. Строитель Великой стѣны полководецъ Мынь-Тянь былъ приговоренъ Императоромъ къ кубку съ ядомъ. Онъ принялъ смерть, какъ справедливое воздаяніе за совершенный имъ грѣхъ: за то, что «на протяженіи 10.000 ли онъ разорвалъ жилы земли». Такъ хозяйствуютъ китайцы. Можетъ ли такое хозяйство породить священное право собственности? Можетъ ли благоговѣйное приспособленіе къ природѣ привести къ владычеству надъ нею? Можно ли къ вещи, сотворенной съ любовью, относиться, какъ къ покоренной рабѣ? Китайцы этого не понимаютъ. Въ Китаѣ есть только одинъ вла-



дыка и собственникъ — Небо. А на землѣ — его Сынъ.

«Сынъ Неба — владѣтель всего, что подъ Небомъ».

Люди — только держатели и хранители земныхъ благъ. Проходятъ долгіе годы, и никто не тревожитъ ихъ владѣнія. Но бьетъ часъ, и Небо вступаетъ въ свои права. Тогда Императоръ, безъ трепета, мѣшаетъ владѣнія людей — беретъ у однихъ и отдаетъ другимъ. И не совершаетъ при этомъ насилія. Наоборотъ, восстанавливаетъ небесную справедливость. Ибо надъ людьми и ихъ владѣніемъ — Тао. И на путяхъ Тао утверждается *праведное* владѣніе людей. — Такъ рушится въ Китаѣ священный устой западнаго хозяйства — собственность\*).

На какихъ же устояхъ строится хозяйство Китая?

На Тао.

Китай — Таократія, полная и совершенная. Надо было быть очень увлеченными Западомъ и совсѣмъ еще не чувствовать Востока, чтобы думать такъ, какъ думали недавно русскіе мыслители: что китайцы — нерелигіозный народъ, что китайцы — «желтолицыя позитивисты\*\*). Китайцы такъ же религіозны, какъ всѣ люди Востока. И вся ихъ жизнь, до послѣднихъ граней, пронизана религіей. Пусть религія Китая не такъ глубока и возвышенна, какъ религія Запада. Она болѣе жизненна, ибо беретъ человѣка до конца. Китайцы мало думаютъ о Богѣ и мало знаютъ о немъ. Ихъ мысль направлена не на Творца, а на твореніе, на видимый міръ, на земную жизнь. Но міръ и есть выраженіе Бога; и жизнь течетъ по его закону. Надо, чтобы путь человѣка никогда не отклонялся отъ путей Божьихъ. И чтобы каждый шагъ человѣка, на его жизненномъ пути, былъ молитвой Творцу. «Моя жизнь — моя молитва», говорилъ Кунъ-цзы. И еще: «Праведная жизнь — молитва мудреца\*\*\*). Потому, жизнь и религія не только слиты. Жизнь и есть выраженіе религіи. Жизнь и религія — одно. Потому, религіозныя достиженія китайцевъ ничтожны. Но ихъ *жизненные*

\*) Groof. *Universismus*. Berlin, 1918.

Groof. *Die Religionen der Chinesen*. (Kultur d. Gegenwart. 1913).  
Deussen. *Geschichte der Philosophie*. B. I 3 Abt. 1920.

Dvorak. *Confucius u. seine Lehre*. 1895.

\*\*) *Мережковский*. Желтолицыя позитивы. Собр. Сочиненій, т. XIV.

\*\*\*) *Maspero*. *La Chine*. Paris 1918.

достиженія — совершенны. Китайцы — «совершенство въ явленіи». Ихъ бытіе — выраженіе ихъ глубины. Ибо все ви́шнее, въ ихъ жизни, одухотворено изнутри \*). — Если жизнь и религія — одно, на чемъ должно строиться хозяйство? Можно ли хозяйство оторвать отъ основы, на которой зиждется вся жизнь? Можно ли думать такъ, какъ думаютъ европейцы, даже благочестивые: хозяйство — одно, — религія — другое; законы хозяйства и законы религіи не только не однозвучны, но внутренне противны другъ другу? — Для китайцевъ это — чудовищное лицемеріе. Міръ единъ. И едины законы Тао. Божественная гармонія, которая наполняетъ Небо и Землю, звенитъ и въ человѣчествѣ, и въ его хозяйствѣ. Если хозяйство стоитъ на путяхъ Тао, оно процвѣтаетъ. Если отходитъ — гибнетъ. Потому, высшій законъ хозяйствованія: слушать голосъ Неба; не отступать отъ Святого ученія. Потому, и хозяйствованіе человѣка угодно Богу, и дары его хозяйства онъ принимаетъ съ милостію и благожеланіемъ. Въ храмѣ Тодацзи въ Нарѣ (Японія) хранится одно изъ величайшихъ художественныхъ сокровищъ Востока, большинство предметовъ котораго — вещи домашняго обихода: сосуды, столы, шкафы, шахматныя доски, флейты и лютии, обувь, платья, ковры, зеркала. Сокровище было принесено въ даръ Буддѣ вдовой императора Сиому, умершаго въ монашескомъ санѣ, и сопровождалось «смиренной просьбой, чтобы, за это благочестивое приношеніе, душа усопшаго получила помощь, и чтобы священная колесница скоро достигла страны, подобной драгоценному камню, въ сердцѣ цвѣтка лотоса, гдѣ отошедшая душа горѣла бы вѣчнымъ восторгомъ». Будда милостиво принялъ хозяйственный даръ, и до сихъ поръ онъ хранится, какъ священное сокровище храма. И только разъ въ царствованіе высшіе чины государства допускаются взглянуть на него\*\*).

Если хозяйствованіе, какъ вся жизнь, есть служеніе Богу, значить ли, что всѣ люди должны заниматься хозяйствомъ? — Народъ — да. Правители — нѣтъ. Всякій трудъ благостенъ и, выше всѣхъ, трудъ земли. Чтобы освятить трудъ земледѣлія и указать примѣръ человѣче-

\*) *Keyserling*. Das Reisetagebuch eines Philosophen. В. II. 1920.

\*\*\*) *Cohn Wiener*. Dar Kuustgewerbe des Ostens. Berlin. *Okakura*. Idéaux d'Orient. Paris. 1917.

ству. Императоръ, въ первый мѣсяцъ весны, въ мантии и коронѣ, при звукахъ музыки и пѣнія, пашеть три первыя полосы на царскомъ полѣ. То же -- министры и принцы. То же въ провинціи — царскіе начальники, въ каждомъ округѣ, до самаго малаго. И, чтобы освятить трудъ шелководства и указать примѣръ женамъ народа, Императрица, въ послѣдній мѣсяцъ весны, собственноручно рветъ листья шелковичнаго дерева и кормитъ ими шелковичныхъ червей. То же — принцессы и жены министровъ. Но на этомъ хозяйственные труды правителей и кончаются. Весь правящій классъ Китая, отъ Императора до простого ученаго, не долженъ заниматься хозяйствомъ; въ особенности, хозяйствомъ доходнымъ. Ибо, какъ ни высока цѣнность хозяйства, есть цѣнности высшія — учение и управленіе. И выше благъ матеріальныхъ блага нравственныя — любовь и добродѣтель. Китайцы любятъ міръ и высоко цѣнятъ блага жизни: здоровье, долголѣтіе, богатство, чувственные наслажденія. Странаніе для нихъ — зло; и бѣдность — порокъ. «Быть несчастнымъ и не умѣть умереть — позорно». Встрѣчаясь, китайцы привѣтствуютъ другъ друга вопросомъ: «Фыэ ли ты рисъ?» Китайская кухня — самая изысканная въ мірѣ. Шелкъ — національное одѣяніе. Чтобы наслаждаться осязаемымъ поверхностямъ камня, фаянса, фарфора, китайцы часами катаютъ въ водѣ агатовые и нефритовые шарики и доводятъ этимъ чувствительность пальцевъ до послѣдней утонченности\*). Какъ во всемъ мірозданіи, и въ жизни матеріальное не противорѣчитъ нравственному — оно гармонично его дополняетъ. Матеріальное и нравственное заключены въ единую систему положительныхъ цѣнностей. Потому высшій, благородный человѣкъ не пренебрегаетъ матеріальнымъ: слѣдитъ внимательно за пищей, одеждой, за всѣмъ ритуаломъ жизни. Потому, и государство обезпечиваетъ благородному человѣку достойное его существованіе; заботится о томъ, чтобы формы его жизни соответствовали его рангу и добродѣтели, и чтобы онъ могъ показать свое отличіе отъ народа. И, чѣмъ выше мѣсто, которое онъ занимаетъ, и чѣмъ выше его добродѣтель, тѣмъ выше обезпеченіе, доставляемое ему государствомъ. Такъ цѣнитъ Китай матеріальное. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Китай — страна іерархіи: не только людей, но и цѣнностей.

(\*) *Novelque. La Chine. Paris 1920.*

И въ іерархіи цѣнностей матеріальное стоитъ ниже нравственнаго и всецѣло ему подчиняется. Потому тѣ, кто стоять высоко, не должны опускаться низко: кто отдалъ себя добродѣтели, не должны думать о пользѣ и выгодѣ. Въ ученіи и управленіи добродѣтель — какъ натянутая струна. Ослабнетъ струна — звуки будутъ невѣрные. Ибо только человѣкъ совершенной добродѣтели можетъ постичь ученіе. И управлять значить поступать добродѣтельно. Можетъ ли царственный человѣкъ, посвятившій себя ученію и управленію, заниматься хозяйствомъ? Не смутятъ ли заботы о приобрѣтеніи чистоты его сердца? Не нарушить ли стремленіе къ наживѣ гармоніи его души? И что будетъ думать народъ, когда увидитъ, что правители спорятъ съ нимъ изъ-за прибыли? Развѣ не сказано: кто имѣетъ многое, не долженъ брать малаго? Правители имѣютъ многое: занимаютъ высокое мѣсто, окружены почетомъ, получаютъ царское жалованіе. Должны ли они брать малое — прибыль народа? И какъ можетъ народъ соперничать съ тѣми, въ рукахъ которыхъ власть и богатство? Потому древніе запрещали правителямъ заниматься хозяйствомъ. «Императоръ сажаетъ цвѣты и тыквы, но не то, что приносить доходы». «Императоръ не говоритъ о своемъ богатствѣ; принцы не говорятъ, много у нихъ богатства или мало; и всѣ, кто служатъ государству, не спорятъ съ народомъ изъ-за прибыли». «Высшій человѣкъ не беретъ прибыли, онъ оставляетъ ее для народа». Такъ повенось съ древности: ученые учатся, правители управляютъ; о приобрѣтеніи они не думаютъ. Если заботятся о хозяйствѣ, то только народномъ. Если думаютъ о пользѣ, то только государства. Если увеличиваютъ доходы, то только общественные. Такова мудрость китайцевъ. — Съ европейской точки зрѣнія, китайцы совершаютъ безуміе. Они отбираютъ все цѣнное и талантливое въ народѣ и отдаютъ его ученію и управленію. И, что отдано ученію и управленію, устраняется отъ хозяйства. Хозяйство вѣками обезкровливается. Можетъ ли обезкровленное хозяйство процвѣтать? Китайцы рассуждаютъ иначе. Хозяйство цвѣтетъ тамъ, гдѣ цвѣтетъ добродѣтель. И добродѣтель цвѣтетъ тамъ, гдѣ лучшіе изъ народа отдаютъ себя ей на служеніе. Сначала добродѣтель, потомъ хозяйство. Потому «мудрый правитель, прежде всего, думаетъ о своей добродѣтели. Есть добродѣтель, будутъ и люди. Есть люди, будетъ

земля. Есть земля, будетъ богатство. Есть богатство, будетъ пропитаніе. Добродѣтель — корень; богатство — «ѣть»\*).

Если добродѣтель выше богатства, и высшій человѣкъ отдастъ себя добродѣтели, значить ли, что и народъ долженъ поступать такъ же? Святые мужи думали иначе. Добродѣтель — гармонія души; внутреннее состояніе, свободное отъ страстей, равно удаленное отъ крайностей. Высшая добродѣтель — совершенный покой. Если хозяйство народа не устроено, если его существованіе не обезпечено, если въ странѣ нищета и голодь, можетъ ли душа народа быть покойной? И, если душа народа не покойна, можетъ ли народъ быть добродѣтельнымъ? Небезпеченное состояніе — источникъ порока. Нищета и голодь ведутъ къ смутѣ. Ибо «даже хорошие люди стали добродѣтельными только тогда, когда они стали богатыми». Ибо «быть бѣднымъ и не роптать трудно». «Мэнь-цзы сказалъ: не имѣть обезпеченнаго существованія въ жизни и, все таки, сохранить добродѣтельное сердце, это можетъ только человѣкъ просвѣщенный. Когда народъ не имѣетъ обезпеченнаго существованія, тогда теряетъ онъ твердость сердца; безъ твердости сердца народъ становится раснущеннымъ, порочнымъ, способнымъ на крайности и на злое дѣло. Если, при этомъ, народъ дойдетъ до преступленія, наказывать его смертью — не значить ли это ловить народъ въ сѣти? Можетъ ли милосердный правитель ловить свой народъ въ сѣти?» Потому, главное дѣло народа — хозяйство. И главная забота правителя — народное благосостояніе. О своемъ благосостояніи правитель не думаетъ; своего хозяйства не ведетъ. Но народное благосостояніе впереди другихъ заботъ правителя; даже впереди ученія и добродѣтели. Максима китайскаго управленія: обогатить народъ и научить его; сперва обогатить, потомъ научить. Въ книгѣ Пѣсней сказано: «Дай имъ пить и дай имъ ѣсть; наставь ихъ и научи ихъ». «Учитель Кунъ отправился въ княжество Вей. Жень-Ю правилъ повозкой. Учитель сказалъ: Какое многочисленное населеніе! Жань спросилъ: если населеніе много-

(\*) Les quatre livres. Trad. par Couvreur. Ho Kien fou 1910.  
*Confucius. Les quatre livres. Trad. par Pauthier. Paris 1921.*  
*Kung-Futse. Gespräche, übers. Von Wilhelm 1923.*  
*Иарвенія Конфуція. Пер. Попова. Петерб. 1911.*

численно, что можно еще сдѣлать для него? Учитель отвѣтилъ: обогати его. — А затѣмъ? — Научи его». И Мэнъ-цзы: «Мудрый правитель распредѣляетъ землю такъ, чтобы каждый имѣлъ, чѣмъ пропитать родителей, жену и дѣтей; чтобы въ урожайный годъ у него было продовольствіе въ изобиліи, а въ плохой годъ, чтобы онъ не умиралъ съ голоду. Тогда онъ можетъ учить народъ добродѣтели, и народъ съ легкостью послѣдуетъ за нимъ». Почему правитель долженъ прежде всего заботиться о благосостояніи народа, а не о благѣ государства? Потому, что народъ и государство — одно. «Для государства народъ — основа». И для правителя народъ — Небо. «Государь — сердце народа; народъ — тѣло государя». Богатство народа — богатство государя. «Когда народъ бѣденъ, правительство тоже бѣдно; когда народъ богатъ, и правительство богато». Кунъ-цзы сказалъ: «Сказано въ книгѣ Шъней: Счастливый и добрый правитель — отецъ народа. Я не видѣлъ, чтобы родители были бѣдны, когда ихъ сыновья богаты». Потому мудрый правитель умножаетъ свои заботы о богатствѣ народа. Помогаетъ народу направо и налево. Думаетъ о благосостояніи народа поздно и рано. «Рано и поздно — писать Императоръ Канъ-си въ предисловіи къ сочиненію: «Картины пахоты и тканья» — съ заботой думаю и о будущемъ и размышляю о правленіи и, когда я думаю объ основѣ, изъ которой выходитъ народъ, тогда являются мнѣ одежда и пища, какъ Небо». Потому мудрый правитель не думаетъ о войскахъ и покореніи сосѣдей, не заботится о стражѣ и мѣрахъ наказанія. Знаетъ — когда народъ сытъ и одѣтъ, тогда наказанія и стража излишни; когда каждый въ народѣ доволенъ и счастливъ, тогда возстанія невозможны; когда страна благоденствуетъ, тогда чужіе народы сами приходятъ и покоряются. Зато, если правитель не думаетъ о благѣ народа, если народъ нищъ, и въ странѣ голодъ, тогда не помогутъ правителю ни войско, ни стража, ни наказанія; тогда мятежи и возстанія неизбежны, и государство идетъ къ гибели. «Въ годы изобилія народъ добръ и милосерденъ, во время голода онъ золъ и жаденъ». «Когда народу нечѣмъ жить, онъ теряетъ себя и становится бунтовщикомъ и разбойникомъ». И пусть тогда правитель не винитъ народъ въ преступленіяхъ и не ищетъ оправданія въ дурныхъ обстоятельствахъ. Въ преступленіяхъ народа — вина на правителяхъ. И въ

народныхъ возстаніяхъ — Божественная мудрость\*).

Мэнь-цзы — государю:

«Ваши собаки и свинья пожираютъ пищу народа, и Вы не противитесь этому. Народъ умираетъ на дорогахъ отъ голода, и Вы не открываете житницъ. Люди гибнутъ, и Вы говорите: не я виноватъ, а плохой урожай. Чѣмъ отличается это отъ того, когда кто-нибудь пронзитъ чело-вѣка мечемъ и скажетъ: не я убилъ, а мой мечъ. О госу-дарь, не слагайте вины на дурной урожай, и народъ міра придетъ къ Вамъ\*\*).

Въ чемъ заботы правителя о благосостояніи народа? Въ чемъ хозяйственная мудрость Китая?

Первая забота—о населеніи. Многочисленное население — благословеніе страны. Если население растетъ, страна процвѣтаетъ. Ибо источникъ богатства страны — трудъ чело-вѣка. Трудъ выше земли и выше капитала. «Деньги дѣлаютъ люди», говоритъ китайская пословица. Рожденіе дѣтей и для семьи, и для государства—милость Неба. При привѣтствіи, первое пожеланіе — «прибавленіе сыновей». Китайцы яростны въ трудѣ. Когда население многочислен-но, и трудъ обилень, тогда рѣки обузданы, земля орошена, и скалы приносятъ плоды. Тогда доходы государства велики, и страна не боится нападеній. Потому мудрый пра-витель умножаетъ заботы о населеніи: строить города, привлекаетъ земледельцевъ и ремесленниковъ, дѣлитъ землю, облегчаетъ налоги. Доброе управленіе — «когда тѣ, кто близко, радуются; тѣ, кто далеко, приходятъ». И, когда управленіе совершенно, «тогда люди, съ дѣтьми за плечами, со всѣхъ сторонъ Неба, стекаются». Потому, число населенія — мѣра совершенства управленія. Потому, исчисленіе людей — священная обязанность правителя. Съ незапамятныхъ временъ весь китайскій народъ — на учетѣ. Лучшія исчисленія — три тысячи лѣтъ назадъ, въ династію Чжоу. Снизу доверху народъ объединенъ въ группы: 5 семействъ — би; 5 би — люй; 4 люй — дзу; и высшія группы — 500, 2.500 и 12.500 семействъ.

(\*) *Ku-Hung-Ming. Chinas Verteidigung gegen europäischer Ideen. 1917.*

(\*\*) *Mong Dsi. Übers. Von Wilhelm 1921.*

*Chou King. Trad. par Couvreur. Ho Kien fou 1897.*

*Cheu King. Trad. par Couvreur 1896.*

*Мэнь-цзы. Пер. Попова. Петерб. 1904.*

На домахъ деревянныя таблицы; на таблицахъ имена обитателей дома. Въ округахъ — палаты исчисленія. Рождающихся вписываютъ, умершихъ вычеркиваютъ. Исчисленія — подробныя: мужчины и женщины, молодые и старые, городскіе и деревнскіе, благородные и простые, больные и здоровые; и, помимо этого — скоть, повозки и имущество. Каждые три года «Великое сравненіе»: сколько «дверей» и «ртовъ», сколько земли и скота во всемъ государствѣ. Результаты сравненія стеноуются въ столицу, въ министерство правосудія. Въ десятый мѣсяць года министръ правосудія передаетъ списки населенія Императору. Императоръ принимаетъ ихъ, опустившись на колѣни; потомъ кладетъ ихъ въ священный архивъ. «Человѣкъ — самое разумное изъ всѣхъ созданій; и народъ — Небо императора. Потому, когда списки населенія подносятся Императору, онъ принимаетъ ихъ, колѣбно преклоненный». Такъ-же — святой Кунъ: когда онъ встрѣчалъ людей, несшихъ списки населенія, онъ сходилъ съ повозки и благоговѣнно наклонялся.

Вторая забота — о пропитаніи. Если человѣкъ — самое разумное изъ созданій, и народъ — Небо Императора, забота правителя — чтобы каждый изъ народа имѣлъ необходимое въ жизни. Китай — государство народнаго блага. Государство существуетъ для множества, а не для немногихъ. Правитель заботится не объ избранныхъ, а объ обездоленныхъ; укрѣпляетъ не сильныхъ, а слабыхъ. Правитель — отецъ народа. Можетъ ли родитель быть счастливъ, если дѣти несчастны? И, если сильные сами заботятся о себѣ, кто позаботится о слабыхъ? Потому правитель печется о всѣхъ своихъ дѣтяхъ, но больше о тѣхъ, кто несчастны и обездолены. При милосердномъ правителѣ безпомощные и слабые — не послѣдніе, а первые. Въ Китаѣ нѣтъ гражданъ, и нѣтъ гражданскихъ правъ; потому нѣтъ и права людей на обезпеченіе. Есть подданные, отвѣтственные передъ правителемъ, и правитель, отвѣтственный передъ Небомъ. Зато іерархія отвѣтственностей развита до совершенства. И на системѣ обязанностей высятся все государство. Обязанность подданныхъ: трудиться и выполнять государственныя повинности. Обязанность правителей: обезпечить каждому, что нужно для жизни. Если тѣ, кто способны къ труду, трудятся, и правитель милосерденъ къ тѣмъ, кто безпомощны, тогда всѣ въ государствѣ обезпечены, и прави-



тель можетъ вертѣть государство на ладони. Что нужно для того, чтобы способные къ труду трудились? — Надо, чтобы каждый трудящійся имѣлъ свое хозяйство и все, что нужно для его веденія. Подневольный трудъ въ Китаѣ не уважается, и трудъ зависимый не имѣетъ цѣны. Благо-степень трудъ на своей землѣ, для своихъ дѣтей и своихъ родителей. Потому, свое хозяйство — цѣль каждого; и долгъ правителя — помочь въ этомъ. Потому, забота правителя — земельное обезпеченіе. Каждый способный къ труду долженъ имѣть свой надѣлъ; и всякій надѣлъ долженъ отвѣчать семьѣ владѣтеля. Больше семья — больше надѣлъ. Меньше семья — и надѣлъ меньше. Зато, у кого надѣлъ, тотъ долженъ его обработать тща-тельно. Если обработалъ небрежно, получаетъ удары. Если не обработалъ, надѣлъ отбирается. Когда способные къ труду землей обезпечены, и земля обработана — ихъ семьи накормлены, налоги уплачены, и государство стоитъ твердо. Когда способные къ труду — безъ земли, и земля невоздѣлана, тогда страна въ пищетѣ, и государ-ство колеблется. При мудромъ правителѣ «ни одна по-лоска земли не остается невспаханной, и ни одинъ изъ народа не бродитъ праздно». И тотъ правитель счастливъ, у котораго «каждая дверь снабжена необходимымъ и каждый ротъ имѣетъ достаточно». — Когда способные къ труду трудятся, и ихъ семьи накормлены, о комъ еще забота правителя? — О тѣхъ, кто къ труду неспособенъ, и о комъ позаботиться некому. Для милосерднаго прави-теля, несчастные и безпомощные — «Населеніе Неба»; и о нихъ — его первая забота. Съ незапамятныхъ временъ, въ Китаѣ — правило: каждый голодный долженъ быть накормленъ, и каждый безпомощный — призрѣнъ. И правители наирягали старанія, чтобы такъ было въ жизни. Потому, одна забота правителя — о землѣ; другая — о хлѣбѣ. Земля — для трудящихся; для голодныхъ — хлѣбъ. Хлѣбное обезпеченіе — основа управленія. На хлѣбныхъ запасахъ строится государство. Про управленіе древнихъ сказано: «Если въ государствѣ запасы не равнялись урожаю 9 лѣтъ, государство считалось необезпеченнымъ. Если запасы не равнялись урожаю 6 лѣтъ, государство считалось въ нуждѣ. Если запасы не равнялись урожаю 3 лѣтъ, государство существовать не могло». Зато, когда въ государствѣ запасы достаточны, народъ не боится ни наводненій, ни засухи, и государя слушаютъ музыку.

Для кого собираютъ запасы? — Для правителей, для войска, но больше для тѣхъ, кто нуждаются. Милосердный правитель не держитъ запасовъ у себя; онъ распредѣляетъ ихъ среди народа. Въ каждой деревнѣ — житница благоденствія; въ каждомъ округѣ — амбаръ милосердія. Если земледѣльцамъ нужны семена для посѣва или зерно до урожая, они приходятъ и получаютъ сеуду. Если въ странѣ голодъ, или урожай недостаточенъ, нуждающіеся приходятъ и получаютъ хлѣбъ. Если, среди народа, несчастные — старики, сироты, больные, убогіе — они приходятъ и получаютъ питаніе. Самая большая забота — о старикахъ. Старики — самые почетные въ государствѣ. Чѣмъ старше, тѣмъ почетнѣе. Забота о старикахъ — священная обязанность правителей. Когда правитель добръ, каждый старикъ получаетъ «дары благотворительности»: послѣ 70 лѣтъ — хлѣбъ, вино и мясо; послѣ 80 — шелкъ и ситець. «Мы заставляли его — говорить въ Китаѣ — платить налогъ, когда онъ былъ молодъ; справедливо, чтобы мы давали ему пропитаніе теперь, когда онъ старъ». Таковы заботы о пропитаніи\*).

Третья забота — *объ уравненіи*. Забота объ уравненіи выше заботы о населеніи; и выше заботы о пропитаніи. Уравненіе — высшій законъ хозяйства. Ибо въ чемъ законъ хозяйства? — Быть въ согласіи съ Тао. Но Тао есть середина. И середина — равновѣсіе силъ. Потому, правильное хозяйство стоитъ на серединѣ. Потому, равновѣсіе — основа хозяйства. И уравненіе — его законъ. — Западъ стоитъ на неравенствѣ. Неравенство — основа хозяйства. Ибо хозяйство не знаетъ законовъ, стоящихъ выше него. Законы хозяйства внутри него и всецѣло его опредѣляютъ. Въ чемъ высшій законъ хозяйства? — Въ увеличеніи благъ. Производство выше потребленія; и производство выше распредѣленія. Если, при совершенномъ производствѣ, потребленіе народа необезпечено, хозяйство за это не отвѣтственно. Если распредѣленіе благъ неравномѣрно, — для хозяйства это желательно. Ибо на неравенствѣ растетъ производство. И уравненіе — смерть хозяйства. Такова мудрость Запада. — Для Китая

(\*) *Chen Huang -Chang. The economic principles of Confucius* T I, II. N. Y. 1911.

*Kuhn. Chinesische Staatsweisheit. Darmst. 1923.*

такая мудрость — яма зла. Какъ весь Китай, такъ и его хозяйство служить Небу. Служа Небу, служить государству. Служа государству, служить народу. Служа народу, служить каждому изъ людей. Служа каждому, больше служить обездоленнымъ. Служа обездоленнымъ, стремится къ уравненію. Уравнение — высшій законъ хозяйства. — Потому, главная забота правителя — объ уравненіи. Мудрый правитель больше всего заботится о равномъ распредѣленіи богатствъ. Когда, среди народа, богатства уравнены, и имущества распредѣлены правильно, тогда въ государствѣ миръ и порядокъ. Когда, среди народа, въ богатствѣ нѣтъ равновѣсія, тогда въ государствѣ раздоръ и несогласіе. Ибо можетъ ли быть порядокъ въ государствѣ, если богатые враждуютъ съ бѣдными? И можетъ ли быть согласіе между людьми, если у однихъ много, а у другихъ нѣтъ ничего? — Святые мужи считали, что это невозможно. Если имущества среди народа раздѣлены неправильно, тогда богатые живутъ въ роскоши и забываютъ о справедливости; а бѣдные живутъ въ нищетѣ и презираютъ законы. Богатые становятся высокомерными и легко склоняются къ насилію; а бѣдные становятся порочными и всегда готовы къ возстанію. Тогда согласіе между людьми невозможно, и государство устремляется къ гибели. Потому мудрые правители, съ незапамятныхъ временъ, воздвигали шютены противъ богатства и устанавливали правила о равномъ распредѣленіи имущества. Они считали, что нѣтъ большаго счастья для народа, чѣмъ миръ и согласіе между людьми, и нѣтъ болѣе крѣпкой опоры для государства, чѣмъ равенство имущества. Потому уменьшали они, гдѣ былъ излишекъ, и увеличивали, гдѣ былъ недостатокъ. Брали у тѣхъ, кто имѣли много, и давали тѣмъ, кто имѣли мало. Укрѣпляли людей пеимущихъ и ограничивали людей богатыхъ. Когда богатые пожирали имущества бѣдныхъ, и сильные поглощали земли слабыхъ, тогда правители производили уравненіе и давали каждому по его нуждамъ. Когда богатые собирали капиталы и капиталами угнетали народъ, тогда правители облагали капиталы налогами и брали для народа ту часть, которая превъшла мѣру. Когда богатые поднимали цѣны товаровъ, и народъ былъ лишень необходимаго, тогда правители открывали «житницы равновѣсія» и уравнивали цѣны товаровъ: покупали товары, когда они были въ изобиліи, и продавали, когда

ихъ было недостаточно\*). Когда богатые жили въ роскоши и безъ мѣры расточали имущества, тогда правители издавали правила и запрещали богатымъ излишества. Такъ уравнивали правители имущество народа и ставили преграды богатымъ и сильнымъ. Потому всѣ классы народа были равны, и народъ жилъ въ радости. Небо было удовлетворено, и Святое ученіе исполнено.

Кунъ-цзы говорилъ :

«Не заботьтесь о бѣдности, а заботьтесь объ уравниеніи. Гдѣ большія насыпи, тамъ глубокія ямы. Большое богатство ведетъ къ гордыцѣ; большая бѣдность къ несчастію. Несчастіе ведетъ къ преступленію; гордыня къ насилію... Святой знаетъ, гдѣ источникъ безпорядка въ человѣкѣ. Потому опредѣляетъ онъ его поведеніе... Онъ заботится о томъ, чтобы богатый могъ показать свое отличіе, но не доходилъ до высокомѣрія; чтобы бѣдный имѣлъ достаточно и не впадалъ въ нужду. Такъ дѣйствуетъ онъ умѣряюще и вводитъ среди людей уравниеніе. Тогда богатства для всѣхъ достаточно. Тогда управление легко\*\*).

Когда богатства среди людей уравниены, и имущества народа раздѣлены правильно, значить ли, что тогда всѣ люди равны и что каждый имѣетъ столько, сколько имѣютъ другіе? — Святые мужи не считали это справедливостью. Ибо въ самой природѣ существуютъ различія. И Небо дало каждому особое дарованіе. Потому мудрые правители отдѣляли высокихъ отъ низкихъ и дѣлали различіе между простыми и благородными. Если кто изъ народа отличался добродѣтелью и больше другихъ успѣвалъ въ ученіи, того правители подымали на высокое мѣсто и умножали его доходы; онъ имѣлъ власть надъ народомъ, и народъ былъ обязанъ ему повиновеніемъ. Ибо, если способные ничѣмъ не отличены отъ народа, почему народъ будетъ относиться къ нимъ съ уваженіемъ? И, если добродѣтель не вознаграждается, почему народъ будетъ стремиться къ добродѣтели? Потому, мудрые правители окружали способныхъ и добродѣтельныхъ

\*) *Ивановъ*. Ванъ-Ань-Ши и его реформы. Петерб. 1909.

*Se-ma-t's'ien*. Les mémoires historiques. Trad. par E. Chavannes. T. III. Paris. 1899.

\*\*\*) *Franke*. Studien zur Geschichte des Konfuzianischen Dogma. 1920.

своими заботами и не жалѣли для нихъ имущества. Когда дѣлили среди народа землю, давали имъ большія владѣнія. Когда распредѣляли государственные доходы, давали имъ высокіе оклады. И, когда запрещали богатымъ излишества, разрѣшали имъ знаки отличія: только способные и добродѣтельные носили красивыя одежды; только благородные строили дома съ высокими крышами; только тѣ, кто служили государству, имѣли богатые носилки и выѣзды. Такъ отличали правители людей благородныхъ и ставили ихъ высоко надъ народомъ. И народъ относился къ нимъ съ уваженіемъ, и никто не завидовалъ другому. Ибо все знали, что благородные вознаграждаются по ихъ добродѣтели, и каждый былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Потому, Императоръ имѣлъ все государство, и никто не считалъ, что онъ имѣетъ слишкомъ много, а простой человекъ имѣлъ полосу земли, и никто не считалъ, что онъ имѣетъ слишкомъ мало. Когда богатства раздѣлены съ такой справедливостью, тогда въ государствѣ — Небесная гармонія, и среди людей — *совершенное равенство*. Ибо сказано: «это кажется неравнымъ, но это равно; это кажется несправедливымъ, но это справедливо; это кажется различнымъ, но это одинаково. Такова высокая мудрость китайцевъ\*).

Китайская мудрость учить: Императоръ — владыка всего на свѣтѣ. Все богатства, въ предѣлахъ четырехъ морей, — его имущества. Все земли, подъ широкимъ Небомъ, — его владѣнія. Все люди на землѣ — его слуги. Императоръ распоряжается имуществомъ каждого, и каждый отдаетъ ему трудъ и жизнь.

«Все подъ Небомъ земля — Императора.

Все люди земли — Императора слуги».

По идеѣ, Императоръ, въ хозяйствѣ, такъ же всемогущъ, какъ фараонъ Египта. Какъ фараонъ Египта, онъ собственникъ всей земли и можетъ ею распоряжаться, какъ своимъ имѣніемъ. Какъ фараонъ Египта, онъ владыка подданныхъ и можетъ истощать ихъ трудъ все дни ихъ жизни. Какъ фараонъ Египта, онъ неограниченный хозяинъ страны и можетъ самодержавно руководить всей хозяйственной жизнью народа. Но на дѣлѣ, въ хо-

(\*) *Mé ti*. Uebers. von Forke. Ber'in 1922.

David. Le philosophe Meh-ti et l'idée de solidarité. London 1907.

зайствѣ, Императоръ Китая — противоположность самодержцамъ Египта. Онъ собственникъ всей земли — но всю землю онъ распредѣляетъ среди народа. Онъ властелинъ надъ людьми — но онъ освобождаетъ людей, чтобы они трудились для своихъ семей. Онъ хозяинъ міра — но онъ отказывается отъ хозяйствованія и создаетъ миллионы самостоятельныхъ хозяевъ. Хозяйственный идеаль Китая — не этатизмъ, а государственное невмѣшательство, недѣланіе. Хозяйство — часть міра. Совершенное хозяйство то, которое движется такъ же размѣренно и гармонично, какъ вся вселенная. Какъ восходятъ и заходятъ небесныя свѣтила, какъ смѣняются времена года, какъ расцвѣтаютъ и увядаютъ деревья, такъ совершаетъ свой путь праведное хозяйство. Когда хозяйство движется въ гармоніи съ міромъ, когда пути хозяйства — пути Божественной середины, зачѣмъ тогда вмѣшательство въ хозяйственную жизнь государя? Тогда миллионы людей самостоятельно совершаютъ свой ежедневный трудъ въ своихъ хозяйствахъ, а мудрый правитель, и въ хозяйственной жизни, поступаетъ такъ, какъ во всемъ управленіи: молится, приноситъ жертвы, поучаетъ, но не дѣйствуетъ; благоговѣнно обращается къ югу и не движется. И такъ продолжается годы. И только тогда, когда хозяйство народа сходитъ съ путей середины, когда въ хозяйствѣ начинается безпорядокъ, и хозяйственное равновѣсіе колеблется, только тогда правитель выходитъ изъ неподвижности и, со всей полнотой власти, вступаетъ въ хозяйственную жизнь народа. Но и тогда дѣйствуетъ съ величайшей сдержанностью и осторожностью: не нарушаетъ отвердѣвшихъ интересовъ, не ломаетъ укоренившіеся строя, возстановливаетъ порядокъ и равновѣсіе больше совѣтомъ и увѣщаніемъ, чѣмъ силой и принужденіемъ. И удивительное дѣло: хотя народъ обожаетъ своего государя и высоко возноситъ государство, хотя государь заботится только о благѣ народа, и государство вступаетъ всегда въ пользу слабыхъ и неимущихъ, народъ съ опасеніемъ относится къ государственному вмѣшательству и предпочитаетъ молитвы государя его хозяйственнымъ заботамъ. Государство велико, государь высоко, а чиновники часто корыстны и несправедливы. Лучше, чтобы народъ самъ заботился о своемъ хозяйственномъ благополучіи; лучше, чтобы люди народа сами исполняли хозяйственныя правила Ученія; лучше, чтобы

народныя объединенія — роды, общины, корпораціи — сами руководили хозяйственной жизнью народа: сохраняли хозяйственный порядокъ, поддерживали имуществонное равновѣсіе, обезпечивали пропитаніе беспомощныхъ и голодныхъ. Когда народъ такъ ведетъ свое хозяйство, и государство не вмѣшивается въ хозяйство народа, тогда и хозяйство цвѣтетъ, и государство не внушаетъ опасеній народу. Тогда народъ чувствуетъ себя независимымъ и счастливымъ, а государь, всевидящимъ окомъ, смотритъ на свой народъ и радуется. Вотъ почему, только въ большой нуждѣ, обращается китайскій народъ за хозяйственной помощью къ государству. Вотъ почему, только въ трудныхъ обстоятельствахъ, вступаетъ государство въ хозяйство народа. Въ томъ и заключается хозяйственная мудрость Китая: что хозяйственное могущество его государства безгранично; что государство выше всего — выше людей, выше владѣнія, выше богатства; что, по закону и праву, государство можетъ вмѣшаться въ любыя хозяйственныя и имущественныя отношенія подданныхъ и поступить такъ, какъ найдетъ справедливымъ. Но что, по собственной волѣ, оно ограничиваетъ себя. Имѣетъ власть и не властвуетъ; имѣетъ право дѣйствовать и не дѣйствуетъ. Совершенное государство то, которое не проявляетъ себя. Совершенный народъ тотъ, который самъ идетъ по путямъ Ученія. «То управленіе — Небесное, которое управляетъ міромъ безъ движенія». И «тотъ — Императоръ, кто не движется». Ибо Тао міра — не воля и не напряженіе, а тишина и покой.

Осуществлялось ли хозяйственное ученіе Китая въ жизни? Принесло ли оно китайскому народу матеріальное благополучіе? Было ли равенство въ имуществѣ народа? Была земля у трудящихся и пропитаніе у беспомощныхъ? — Въ отвѣтъ на эти вопросы надо сохранить величайшее непристрастіе. Ибо такъ легко смѣшать прекрасное ученіе съ жизнью. И такъ соблазнительно представить «Благоухающее царство» раемъ людей. Но такой отвѣтъ былъ бы жестокой неправдой. Вѣдь Китай — только земное царство. И китайскій народъ — только часть несовершеннаго человѣчества. Правда о китайскомъ народѣ — иная. Китайскій народъ много страдалъ въ своей долгой жизни, и не все въ его хозяйственной исторіи было благополучно. Святое ученіе всегда оставалось мечтой и идеаломъ, и только тѣнь отъ него падала на живую жизнь. Жестокіе

правители не заботились о хозяйственномъ благополучіи народа и истощали народный трудъ въ грандіозныхъ постройкахъ. Страшныя наводненія опустошали цвѣтушія провинціи, и правители не принимали мѣръ, чтобы предупредить несчастіе. Засухи губили труды милліоновъ людей, и въ житницахъ не было хлѣба, чтобы накормить голодныхъ. Богатые захватывали земли бѣдныхъ, и бѣдные не имѣли мѣста, гдѣ приклонить голову. Неравенство богатствъ вопіяло къ Небу, и тысячи безпомощныхъ умирали на дорогахъ. Такъ сообщаютъ правительственные хроники и акты; а въ жизни было еще хуже. Въ особенности, страдалъ китайскій народъ отъ нашествій и усобицъ. Великая стѣна была возведена не для того, чтобы отгородить Китай отъ міра. Ее строили, чтобы спастись отъ варваровъ. Варварскія нашествія опустошали Китай не меньше, чѣмъ Западную Европу. И, если Китай не погибъ, какъ Римъ, и не превратился въ варварское государство, то только потому, что былъ крѣпче Рима и культурнѣе его. Но отъ этихъ нашествій цѣлыя провинціи пустѣли на столѣтія, и милліоны людей гибли отъ разоренія. И еще страшнѣе были усобицы и возстанія. Гражданская война въ Китаѣ хуже мора и наводненія. Точно злой таифунъ проносится по странѣ, сметая на пути все живое. Были эпохи, когда, послѣ усобицъ, изъ 30-40 милліоновъ населенія оставалось 10. И во время возстанія Тайпинговъ погибло не менѣе 100 милліоновъ людей\*). Не говорить ли это о томъ, что мѣра страданій китайскаго народа была велика? И не показываетъ ли это, что страданія русскаго народа, пережитыя имъ въ послѣдніе годы, — не самыя страшныя въ человѣчествѣ? — И, тѣмъ не менѣе, помня все сказанное, можно утверждать съ увѣренностью, что, изъ всѣхъ великихъ народовъ міра, китайскій народъ былъ однимъ изъ самыхъ счастливыхъ. И что, въ исторіи міроваго хозяйства, хозяйство Китая — одно изъ самыхъ устойчивыхъ и цвѣтущихъ. Нигдѣ въ мірѣ не было такого многочисленнаго населенія, какъ въ Китаѣ. И нигдѣ на земномъ шарѣ земля не давала такъ много, какъ въ Цвѣтущемъ царствѣ. Были въ китайской исторіи правители, которые угнетали народъ и заставляли поколѣнія трудиться для своихъ прихотей. Но, все таки, въ исторіи человечества, не было управленія болѣе мягкаго и кроткаго,

---

(\*) *Wassilfew. Die Erschliessung Chinas. Leipzig. 1909.*



чѣмъ управление китайское, и ни въ одномъ государствѣ міра народный трудъ не былъ въ такой мѣрѣ свободенъ и независимъ, какъ въ Китаѣ. Китайское государство, только временами, вмѣшивалось въ хозяйственную жизнь народа, и не всегда такое вмѣшательство было удачнымъ. Но, все таки, система государственныхъ мѣръ, направленныхъ на охрану народнаго благосостоянія, — земельное надѣленіе, уравненіе цѣнъ, хлѣбное обезпеченіе — принесла неисчислимую пользу народу и, въ сравненіи съ хищнической хозяйственной политикой западныхъ государствъ, кажется грандіознымъ социальнo-этическимъ предпріятіемъ\*) Въ Китаѣ никогда не было познаго равенства имуществъ, и не было такой эпохи, когда народъ не дѣлился на богатыхъ и бѣдныхъ. И, все таки, нигдѣ на землѣ имущества не были распределены съ такой равномѣрностью, какъ въ Китаѣ, и ни въ одномъ государствѣ бѣдные не были такъ обезпечены, какъ въ Серединной имперіи. Въ китайской исторіи были періоды, длившіеся тысячелѣтіями, когда главное богатство народа — земля была раздѣлена на равные квадраты, подобно шахматной доскѣ, и когда всѣ способные къ труду имѣли самостоятельныя надѣлы. Но даже и въ настоящее время, когда классическая система земельного надѣленія давно оставлена, земля, съ удивительной равномѣрностью, распределена среди земледѣльцевъ, и можно недѣлями путешествовать по китайской провинціи, не встрѣтивъ слѣдовъ богатаго класса — ни одного крупнаго имѣнія, ни одного барскаго дома\*\*). Въ городахъ количество богатыхъ людей значительно, и дѣленіе дѣленіе на богатыхъ и бѣдныхъ болѣе замѣтно. Ибо торговля даетъ нѣкоторую возможность накоплять капиталы, и чиновники пользуются своимъ положеніемъ, чтобы обогащаться. Но и въ городахъ социальная дифференціація ничтожна. Буржуазіи, какъ класса, нѣтъ. Фабричный пролетаріатъ, даже въ современномъ «капиталистическомъ» Китаѣ, насчитываетъ 400 тысячъ на 400 милліоновъ населенія — одного на тысячу\*\*\*). Подавляю-

\*) *Rosthorn. Religion u. Wirtschaft in China. Hauptprobleme der Sociologie. Erinnerungsgabe fur Max Weber. B. II. 1923.*

\*\*\*) *Ross. La Chine qui vient. Paris. 1914.*

\*\*\*\*) *China. Wirtschaft und wirtschaftsgrundlagen. Herausg. von Hellauer. Berl. 1921.*

*Hsu-Shih-Chang. La Chine après la guerre. Paris. 1922.*

*Новый Востокъ. кн. 1—5, 1922—24.*

щее большинство городских жителей—самостоятельные ремесленники и мелкие торговцы. Разница въ жизненныхъ условіяхъ классовъ незначительна. Богатые живутъ просто и скромно. Бѣдные держатъ себя съ большимъ достоинствомъ. Роскошь запрещена закономъ и осуждается общественнымъ мнѣніемъ. Богатство, само по себѣ, не пользуется уваженіемъ \*). Можно быть очень богатымъ человекомъ, но, не имѣя ученой степени, никогда не быть допущеннымъ въ высшее общество. И бѣдныя семейства, имѣющія въ своемъ роду ученыхъ и добродѣтельныхъ предковъ, окружены почетомъ. Отношенія между классами насыщены миромъ и благожелательствомъ. Міровая гармонія, хотя и несовершенно, находитъ свое отраженіе въ социальномъ порядкѣ. Картина социальнаго устройства Китая такъ удивительна, что европейцамъ, оглушеннымъ классовой борьбой западныхъ государствъ, порой кажется, что въ Китаѣ социальный вопросъ разрешенъ и социальный идеаль достигнутъ. Это, конечно, не такъ. И въ Китаѣ социальная несправедливость велика, и горе народа неисчерпаемо. Но несомнѣнная правда: въ сравненіи съ Западомъ, Китай — страна социальнаго мира и согласія.

Надо высоко подняться надъ культурной громадой Китая. Надо острымъ взглядомъ охватить ея строгія, ясныя линіи. Надо проникнуть въ душу Китая и уловить ея вѣчную мелодію. И тогда станетъ понятно то, что составляетъ основу социальнаго и хозяйственнаго порядка Китая — его земельный строй. Для Китая земля — все. Землею живетъ народъ. На землѣ стоитъ и высится государство. Земля хранитъ самое драгоценное — предковъ. Китайцы издавна — замѣчательные торговцы. Въ періоды расцвѣта китайская торговля достигала мировыхъ размѣровъ \*\*). Въ эпоху Хань Китай торговалъ съ Римомъ. Въ эпоху Тань — со всѣмъ Старымъ міромъ и, быть можетъ, Америкой. Въ монгольскую эпоху на одной «Великой» рѣкѣ было больше кораблей и богатствъ, чѣмъ на всѣхъ европейскихъ моряхъ и рѣкахъ вмѣстѣ. «Il va par ce flun et vient — говоритъ Марко Поло о Голубой рѣкѣ — plus de navire et plus de riches marchandises

\*) Rosthorn. Das sociale Leben der Chinesen. Leipz. 1919.

\*\*\*) Conradij. Die Beziehungen der Chinesischen Kultur zur abendländischen. Leipz. 1898.

et de richesses, qu'il ne va par tous les fluns et par toute la mer des chrestiens». И, тѣмъ не менѣе, какъ историческое цѣлое, Китай не имѣлъ вкуса къ торговлѣ. Торговля всегда — что-то побочное и чуть-чуть презираемое. Торговцы не только ниже ученыхъ и правителей; они ниже земледѣльцевъ и даже ремесленниковъ. Оттого такъ надолго и часто Китайская торговля никла и свертывалась. Оттого такъ легко, на столѣтія, отрѣзалъ себя Китай отъ міра. Оттого такую ничтожную долю занимала торговля въ народномъ хозяйствѣ. Еще замѣчательнѣе китайцы, какъ ремесленники. Китайское художественное ремесло не знаетъ равнаго въ мірѣ. «Среди всѣхъ созданій Аллаха китаецъ имѣетъ наиболѣе искусную руку на рисованіе и украшеніе для выполненія всякаго рода работъ; нѣтъ въ мірѣ народа, который сдѣлалъ бы лучше» — писалъ о китайцахъ въ 8 вѣкѣ по Р. Х. арабскій путешественникъ Сулейманъ\*). Китайскіе ремесленники знаютъ то, о чемъ давно забыли мастера Запада: душу матеріи — душу дерева, камня, металла. Оттого даютъ они такое совершенное выраженіе творимой вещи. Оттого на такой недосыгаемой высотѣ стоятъ ихъ издѣлія\*\*). И, тѣмъ не менѣе, въ народномъ хозяйствѣ Китая, ремесло — только *подсобный* промыселъ. Имъ занято ограниченное количество ремесленниковъ въ городахъ. Имъ заняты всѣ крестьяне въ минуты отдыха отъ земледѣльческаго труда. Национальный промыселъ Китая — земледѣліе. Землей живутъ всѣ жители деревень — 9/10 жителей страны. Землею кормятся многіе жители городовъ. Городъ — гдѣ живутъ правители и ученые, гдѣ тратятся накопленныя богатства. Создаетъ богатства деревня — земля. Когда земля родитъ въ изобиліи, страна процвѣтаетъ. Когда земля бесплодна, миллионы людей умираютъ отъ голода. Отсюда — въ народномъ сознаніи — исключительная цѣнность земли. Отсюда любовь народа къ землѣ — какъ къ матери и ребенку. — Два обстоятельства еще выше поднимаютъ цѣнность земли и обостряютъ любовь къ землѣ народа: характеръ земледѣльческаго хозяйства и характеръ поселенія. Китайское земледѣльческое хо-

(\*) Voyage du marchand arabe Suleyman en Inde et en Chine. Paris. 1922.

\*\*\*) Otto Kummel. Die Kunst Ostasiens. Berlin. 1921.

ляйство — самое интенсивное въ мірѣ\*). Земля творить безъ отдыха и отказа. Но «капиталь», вложенный въ земледѣльческое хозяйство, минималенъ: орудія — ручныя, какъ тысячи лѣтъ назадъ; количество скота ничтожно; постройки — легкія и малоцѣнныя. Создаютъ цѣнности земля и человѣкъ. Земля и человѣкъ — и только. Желтая земля — хуанъ-ту — лучшая въ мірѣ; лучше русской — черной. Желтый земледѣлецъ не знаетъ равныхъ — по искусству и трудолюбію. Отъ сліянія человѣка съ землей рождается все богатство народа. Но земледѣльческое население страны безчисленно, и напряженіе труда земледѣльцевъ почти безгранично; а земля — мѣренная. Потому земля для народа — дороже золота и нефрита. Потому, какъ драгоценное сокровище, бережетъ человѣкъ каждую земельную полоску. — Къ тому же ведетъ и другое. Земля не только кормитъ живущихъ. Она хранитъ умершихъ. Живущихъ — милліоны. Умершихъ — милліарды. И умершіе всегда выше живущихъ; какъ прошлое выше настоящаго. И при этомъ: умершихъ не хоронятъ такъ, какъ на Западѣ — на общей свалкѣ. Общія кладбища въ Китаѣ только для нищихъ и безродныхъ. Человѣкъ семейный покойся на «землѣ предковъ», въ родовой могилѣ. Почти каждый земельный участокъ несетъ могильный холмъ. Отсюда, связь человѣка съ землей еще крѣпче и интимнѣе. Человѣкъ не только живетъ и трудится на землѣ. Онъ живетъ и трудится на родовомъ полѣ, гдѣ жили и покойся его предки; гдѣ будетъ вѣчно покойся и онъ. Оттого съ величайшей натугой покидаетъ китаецъ родную землю. Оттого далеко не сплошь и не равномерно заселена и обработана земля. Зато тѣмъ выше цѣнность земли заселенной и обработанной. — Такою же исключительную цѣнность, какъ для народа, представляетъ земля и для государства. И не только потому, что государство и народъ — одно. Но и въ силу собственныхъ нуждъ государства. Китайское государство покойся цѣликомъ на землѣ. Земля платитъ налоги. Земля служитъ. Земля поставляетъ работниковъ на общественныя нужды. Даже тогда, когда обложена не земля, а человѣкъ, все равно человѣкъ платитъ съ земли. Потому, земля —

(\*) *Plath*, Die Landwirtschaft der Chinesen und Japaner. München. 1873.

*Пути Россіи*. Статья 3. С. 3. № 7.

основа государства. Потому, земельное устройство — основная задача управления. Государственное управление и земельное устройство почти совпадают. — Исключительное значение земли для народа и государства определяет характер земельного строя. Народъ долженъ быть размѣщенъ на землѣ. Каждый человекъ долженъ быть соединенъ съ землей. Иначе миллионы людей умрутъ съ голода; ибо уйти отъ земли некуда. Потому земля, съ величайшей точностью, должна быть распределена среди народа — ни одна пядь не должна пропасть даромъ. И, такъ какъ земли мало, а народу много, земля должна быть распределена среди народа съ послѣдней равномѣрностью. Земельное уравненіе — высшій законъ народа. То же — для государства. Государство живетъ трудомъ народа. Народъ живетъ землей. Если народъ и земля не будутъ точно пригнаны другъ къ другу, трудъ народа будетъ пропадать даромъ, и земля не будетъ оплодотворена трудомъ. Чтобы государство стояло твердо, земля должна имѣть работника, и работникъ долженъ имѣть землю. Потому, задача государства — соединить работника съ землей. Государство налагаетъ на народъ земельное тягло; но, виѣсть съ тѣмъ, каждому изъ народа обеспечиваетъ земельный надѣлъ. Отсюда — власть государства надъ землей. Отсюда — распределение земли по душамъ и силамъ — по «ртомъ» и «дверямъ». Отсюда — *государственное уравненіе земли*\*). И для государства, земельное уравненіе — высшій законъ. — Изъ сказаннаго ясно: что въ Китаѣ, народное хозяйство и государственное управление, въ основахъ своихъ, совпадаютъ. И что мѣра совершенства государственнаго управления совпадаетъ съ мѣрой совершенства земельного уравненія. Народное хозяйство — въ основѣ своей — хозяйство земельное; въ основѣ земельного хозяйства — земельное уравненіе. Государственное управление — въ основѣ своей — земельное устройство; въ основѣ земельного устройства — земельное уравненіе. Въ лѣтописи Ханьской династіи сказано: «Раздѣлъ земли — основа управления народомъ». У Куньцзы сказано: «древніе государи — Венъ-ванъ и У-ванъ — не будутъ забыты. Государи, правившіе послѣ нихъ, были мудры ихъ мудростью и любили ихъ любовью. Народъ наслаждался миромъ и пользовался благами

---

(\*) М. Weber. Wirtschaftsgeschichte. 1923.

правильного раздѣла земли, произведеннаго этими государями. Потому память о нихъ сохранится въ вѣкахъ». И для Мэнь-цзы: милосердное управленіе то, когда земля раздѣлена на квадраты, и когда каждый изъ народа имѣетъ равный земельный надѣлъ.

Исторія земельного строя Китая такова.

Национальная система земельного устройства — колодезная — цзинь-тянь. Колодезная система — классическая: система Святыхъ мужей и мудрецовъ. Она создана была императоромъ Хуань-ди въ 3-мъ тысячелѣтіи до Р. Х. и просуществовала безъ перерыва около двухъ съ половиной тысячъ лѣтъ. Въ героическія тысячелѣтія китайской исторіи, когда заложены были основы китайской культуры, когда воздвигнуто было зданіе китайской государственности и созданы самыя совершенныя творенія искусства, философіи и религіи, въ эти тысячелѣтія создана была и достигла совершенства земельная система цзинь-тянь. Эпоха Чжоу — эпоха зрѣлости китайской культуры и, вмѣстѣ съ тѣмъ, эпоха зрѣлости колодезной системы. Послѣдующія эпохи — по существу, эпохи не оригинальныя и не творческія; эпохи упадка или «возрожденія», но всегда возрожденія древности. Ничего оригинальнаго не дали онѣ и въ земельномъ строѣ. Въ эпохи упадка земельный строй далеко отходилъ отъ древняго образца. Въ эпохи «возрожденія» снова къ нему приближался. Но подлиннаго развитія земельного строя больше не было, ибо не было движенія впередъ. Ученые и мудрецы этихъ эпохъ много спорили: можно ли возродить древнюю систему, имѣются ли для этого пужныя условія и средства. Но въ праведности и совершенствѣ этой системы никто не сомнѣвался. Для всѣхъ поколѣній она оставалась недосягаемымъ образцомъ. — Основы колодезной системы были таковы. Заселеніе страны производилось планомѣрно, подъ руководствомъ государства. Государственные чиновники опредѣляли мѣста для поселенія, проводили каналы и дороги и межевали землю на участки. Количество населенія должно было отвѣчать количеству земли. Участки должны были точно соответствовать другъ другу. Въ Книгѣ Обрядовъ сказано: «При поселеніи народа земля должна быть размежевана для устройства городовъ и снова размежевана на меньшія доли для раздачи народу». Въ книгѣ лѣтописей сказано: «Старый князь. Дань-фу поучалъ народъ и слѣбалъ его

осѣдлымъ на лѣвой и на правой сторонѣ; онъ установилъ границы и порядки и раздѣлилъ пашни отъ Запада и до Востока». Форма раздѣла была слѣдующая. Земля размежевывалась на равные квадраты по 900 му въ каждомъ. Каждый квадратъ — колодезь — заключалъ въ себѣ 9 земельныхъ участковъ по 100 кв. му. Земельные

участки были расположены такъ 


 восемь внѣшнихъ

одинъ центральный. Внѣшніе участки отдавались поселенцамъ въ надѣлъ. Центральный сохранялся за государствомъ. Владѣльцы 8 надѣловъ обязаны были сообща обработать государственный участокъ — гунь-тянь — и доходъ съ него — «аренду» — цзу — внести въ казну. Государственный участокъ долженъ былъ быть обработанъ раньше частныхъ. Частные участки должны были быть тоже, во время, обработаны и убраны. Чиновники слѣдили за тѣмъ, чтобы «никто не былъ празднымъ» и чтобы «на поляхъ ничего не оставалось». Распредѣленіе земли производилось осенью, во время жертвоприношенія предкамъ. При распредѣленіи учитывалось: 1. количество душъ въ семьѣ и 2. цѣнность участковъ. Цѣнность участковъ опредѣлялась: 1. качествомъ почвы; 2. отдаленіемъ отъ столицы; 3. размѣрами пара. На лучшихъ участкахъ селились семьи изъ 7 душъ; на среднихъ — изъ 6; на худшихъ — изъ 5. Многочисленные семьи, на лишніи души, получали дополнительные нарѣзки. Такимъ образомъ, уравненіе земли производилось съ величайшей точностью — не меньшей, чѣмъ въ русской передѣльной общинѣ. Но, самъ по себѣ, колодезь, передѣльной общины не представлялъ. У колодца не было общинныхъ угодій — луговъ, выгоновъ, дѣсовъ. Колодезный союзъ не имѣлъ коллективныхъ правъ на колодезную землю. Субъектомъ права на землю оставалась семья. Всѣ верховныя земельныя права сохранялись за государствомъ. Государство само завѣдывало распредѣленіемъ земли и надѣляло землю каждой семьѣ отдѣльно. Земля давалась не въ собственность, а во временное пользованіе. Продажа, закладъ и наслѣдованіе земли были запрещены. Когда владѣльцу исполнялось 60 лѣтъ, земля у него отбиралась и передавалась сыну или родственнику, съ обязательствомъ пропитать старика. Съ 70 лѣтъ забота о старикахъ падала на государство. Ученые, торговцы и ремесленники получали половинный надѣлъ. Чиновники получали жа-

лованіе отъ казны или «аренду» съ опредѣленнаго количества колодцевъ. Но, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ, они не становились помѣщиками. «Аренда» приписывалась не къ лицу, а къ должности. Когда лицо покидало должность, оно лишалось и аренды\*). — 9-польный колодезь составлялъ основу античнаго китайскаго государства — его территоріальной, финансовой и военной организаціи. На немъ, какъ на фундаментъ, высились все общественное зданіе. Каждый колодезь, съ вѣшнихъ сторонъ, былъ ограниченъ открытыми, пересѣкавшимися подъ прямыми углами, дорогами. Вдоль дорогъ тянулись каналы, валы и изгороди. Колодезь, т. о., представлялъ собою маленькую земліаную крѣпость и игралъ роль въ оборонѣ государства. Слѣдующую территоріальную единицу составляли 10 колодцевъ, обведенныхъ болѣе широкими дорогами и каналами. И далѣе: 100, 1.000 и 10.000 колодцевъ. Каждый колодезь составлялъ низшую единицу управленія — линь (сосѣдство); 3 линь — пинь (содружество); 3 пинь — ли (деревня); и такъ вплоть до фроу (округа). По схемѣ колодца планированы были города, предмѣстья и вся государственная территорія. Городъ — квадратъ, окруженный рвами и стѣнами, раздѣленный главными улицами на внутренніе квадраты, съ дворцомъ правителя въ центрѣ. То же — предмѣстье. То же — все государство: центральный квадратъ — Серединное царство со столицей Императора; 8 вѣшнихъ квадратовъ — вассальный княжество. «Математическая мечта» — какъ говорятъ объ этой системѣ европейскіе авторы\*\*). «Порядокъ мудрыхъ» — какъ говорятъ о ней китайскіе хронисты. Все было въ это доброе время совершенно. «Низшіе классы исполняли свои обязанности; высшіе осуществляли отечественный надзоръ. Никто не былъ слишкомъ богатъ, никто не былъ слишкомъ бѣденъ; и все жило въ полномъ согласіи». «Государство было въ достаткѣ; народъ богатъ; и всюду звуки радости». Историческая наука не установила, была ли «математическая мечта» полностью воплощена въ жизни, и такъ ли былъ совершененъ «порядокъ мудрыхъ». Но

\* ) Plath, Gesetz u. Recht im alten China. München. 1866.

Han Liang Huang. The and tax in China. New-York. 1918.

\*\* ) Conrady. Beiträge zum Wassiljew; die Erschliessung Chinas. Leipz. 1909.

Stube. Das Zeitalter des Confucius. Tübingen. 1913.



нѣтъ сомнѣнiя, что эпоха, когда колодезная система опредѣляла хозяйственную и государственную жизнь Китая, была самой счастливой эпохой китайской исторiи, и что памятью объ этой эпохѣ жили всѣ послѣдующiя поколѣнiя.

Колодезная система кончила свое существованiе такъ же, какъ начала: по царскому указу. Въ 216 г. до Р. Х., въ 31 годъ царствованiя императора Ши-хуанъ-ди, былъ издавъ законъ, разрѣшавшiй покупку и продажу земельныхъ участковъ и предоставлявшiй каждому самому объявлять о количествѣ находящейся въ его владѣнiи земли, для обложенiя налогомъ. Истоки этого грандиознаго земельного переворота были таковы. Въ 350 г. до Р. Х. въ княжествѣ Цинь была проведена мѣстная земельная реформа. Княжество Цинь имѣло малочисленное населенiе и избытокъ земли. Сосѣднiя княжества — избытокъ населенiя и недостатокъ земли. Чтобы привлечь поселенцевъ на пустующiя земли и этимъ поднять финансовую и военную мощь княжества, циньскiй министр Шань-янь «открылъ поля и пограничныя мѣжи» и предоставилъ каждому занимать столько земли, сколько онъ можетъ обработать. Реформа имѣла успѣхъ. Населенiе княжества увеличилось, земля была обработана, и княжество настолько усилилось, что стало поглощать окружныя земли, «какъ шелковичный червь, который гложетъ листву гутowego дерева»\*) Въ 3-мъ вѣкѣ до Р. Х. Циньское княжество было уже настолько могущественно, что могло объединить вокругъ себя все государство. Въ 221-мъ году циньскiй правитель былъ объявленъ «Первымъ Императоромъ»\*\*). Съ этого момента въ Китаѣ наступаетъ эра великихъ реформъ. Была возведена Великая стѣна, и этимъ поднята на небывалую высоту оборона государства. Были уничтожены удѣльныя княжества, и Китай превращенъ въ централизованную имперiю. Были сожжены священныя книги и умерщвлены носители старыхъ традицiй — ученые. Была разрушена колодезная система. Изъ всѣхъ великихъ реформъ, земельная ре-

\*) *Se-ma-ts'ien*. Les mémoires historiques. Trad. par E. Chavannes. T. V. P. 1905.

\*\*\*) *Cordier*. Histoire générale de la Chine. T. I. Paris. 1920.

*Шкуркинъ*. Справочникъ по исторiи странъ Дальняго Востока. Ч. I. Китай. Харбинъ 1918.

форма была, быть может, самой значительной. Ибо она поколебала «основу» государства. И, если память о Первомъ императорѣ осталась проклятой въ вѣкахъ, и имя его произносилось съ ненавистью всѣми послѣдователями святого Куна, то это произошло, въ значительной мѣрѣ, потому, что онъ уничтожилъ «систему мудрыхъ» и этимъ ввергъ страну въ хаосъ. Ибо, дѣйствительно, послѣдствія земельной реформы были ужасны. Пока въ государствѣ господствовали миръ и порядокъ, и страну не посѣщали стихійныя бѣдствія — эпидеміи, наводненія, засухи — до тѣхъ поръ перемѣны въ земельномъ строѣ мало ощущались. Каждый земледѣлецъ сидѣлъ на своемъ старомъ надѣлѣ, и надѣлъ переходилъ изъ рода въ родъ, по наследству. Не то было въ годы бѣдствій. Тогда миллионы земледѣльцевъ — какъ то бывало и въ старое время — бросали свои участки и «бредли розно». Но — не, какъ въ старое время — уходя, они продавали участки. И, возвращаясь на родовыя земли, находили ихъ занятыми богатыми помѣщиками. Только помѣщики и не думали сами обрабатывать скудные ими за ничто участки и не собирались заводить на нихъ крупное хозяйство съ наемными рабочими. Ибо такое хозяйство въ Китаѣ невозможно. Китайское земледѣліе — такое тонкое искусство, требуетъ такъ много труда и вниманія, что заниматься имъ можетъ только «хозяинъ». И уважающій себя земледѣлецъ на наемную работу не пойдетъ. Потому помѣщики ноступали иначе. Они разбивали свои имѣнія снова на маленькіе участки и сдавали ихъ въ аренду ихъ прежнимъ владѣльцамъ. И, такъ какъ китайское земледѣльческое хозяйство всегда миниатюрно, и работающая въ немъ семья только едва можетъ прокормить себя, то отъ такого «поглощенія» крестьянскихъ участковъ помѣщиками и обратной сдачи ихъ въ аренду, въ странѣ развивались нищета и голодъ, и волги крестьянъ подымались къ небу. Извѣстіями объ этомъ и полны китайскія хроники. «Съ тѣхъ поръ, какъ система цзинь-тянь была разрушена, земля не является собственностью того, кто ее обрабатываетъ, а собственникъ не обрабатываетъ землю самъ. Земля труженниковъ зависитъ отъ богатаго... Отъ продуктовъ земли собственникъ получаетъ половину, и всѣ труженники вмѣстѣ другую половину. Одинъ собственникъ — 10 работниковъ. Собственникъ получаетъ половину продуктовъ, изо дня въ день, и становится все бо-

гаче и богаче, все сильнѣе и сильнѣе; а земледѣлецъ потребляетъ другую половину, изо дня въ день, впадаетъ въ бѣдность и голодаетъ безъ жалобы». «Кто сильны, тѣ владѣютъ землями, пространствомъ въ тысячи шановъ. Кто слабы, у тѣхъ нѣтъ земли, куда воткнуть шило». Благодаря такому неравенству, богатые становились рочными отъ гордости, бѣдные — отъ бѣдности. И тѣ, и другіе впадали въ преступленія. Милліоны людей умирали отъ голода и ѣли человѣческое мясо. «Миръ былъ истощенъ, и народъ доведенъ до отчаянія». Отсюда, по всей странѣ, бунты, возстанія и крики о возвращеніи къ старому земельному строю. Циньская династія, просуществовавъ нѣсколько десятилѣтій, была свергнута крестьянскимъ возстаніемъ. Во 2-мъ столѣтіи по Р. Х. ростъ помѣщичьяго землевладѣнія привелъ къ страшному возстанію «Желтыхъ Турбановъ». Въ 140 году до Р. Х. знаменитый ученый и министръ Дунь-Чжунь-шу, чтобы помочь народу, обратился къ императору У-ди со слѣдующимъ воззваніемъ: «Княжество Цинь приняло систему Шинь-яна и измѣнило по положеніе древнихъ императоровъ. Оно отмѣнило колодезную систему и разбѣшило народу продавать и покупать землю. Въ результатѣ, богатый владѣетъ землею отъ поля къ полю, а у бѣднаго столько земли, что некуда воткнуть шило... Было бы очень трудно, въ настоящее время, возстановить снова цѣликомъ колодезную систему. Но мы должны добиться того, чтобы приблизиться къ ней. Это значить: мы должны ограничить размѣры земельныхъ владѣній для того, чтобы помочь тѣмъ, кто недостаточно обезпечены и для того, чтобы прекратить «пожираніе». На этомъ пути и только на этомъ пути мы можемъ надѣяться съ успѣхомъ провести доброе управленіе». Воззваніе не имѣло успѣха, ибо власть находилась въ рукахъ богатыхъ. То же случилось съ попыткой ограничить размѣры земельныхъ владѣній, произведенной императоромъ Ай-ди. Ай-ди (6-1 до Р. Х.) издалъ указъ: «Богатый и сильный имѣетъ землю безъ ограниченій, а бѣдный теряетъ свою землю и терпитъ нужду... Приказываю: чтобы никто не имѣлъ права владѣть больше 3) шановъ». Указъ не получилъ силы, ибо былъ неугоденъ «придворнымъ фаворитамъ». Еще горшая участь постигла знаменитый земельный законъ, изданный въ 9 в. по Р. Х. императоромъ Вань-Маномъ. Законъ гласилъ: «Вся земля должна называться импера-

торской. Ни одинъ подданный не можетъ имѣть больше одного цзина. Продажа земли запрещена для того, чтобы каждый могъ сохранить то, что ему даетъ хлѣбъ. Тѣ, которые имѣютъ больше цзина, должны отдать избытокъ родственникамъ и сосѣдямъ... Кто сомнѣвается въ мудрости этихъ мѣръ, будетъ изгнанъ; кто будетъ противиться, будетъ убитъ». Законъ вошелъ въ силу; но былъ встрѣченъ такимъ сопротивленіемъ помѣщиковъ и проводился чиновниками съ такими злоупотребленіями, что вызвалъ въ странѣ смуту и былъ отмѣненъ черезъ три года по требованію народа. Такъ неудачно кончились, въ эту эпоху, попытки вернуться къ старому земельному строю. И недаромъ современникъ Ванъ-мановской реформы печально заключаетъ: «Самимъ Яо и Шуню не удалось бы возстановить колодезную систему — все мѣняется, рѣки мѣняютъ свое теченіе, и то, что время стираетъ, исчезаетъ навѣки»<sup>\*)</sup>.

Въ 3-мъ вѣкѣ по Р. Х., въ исторіи земельного строя Китая, наступила новая эра. Бѣды, вызванныя борьбой за землю и гражданской усобицей, въ концѣ концовъ принесли испѣленіе отъ болѣзни. Много народа вымерло. Многіе земледѣльцы бросили свои участки и разбрелись въ разныя стороны; и не только бѣдные, но и богатые. Большая часть земли фактически оказалась въ рукахъ государства. Теперь ничто не мѣшало государству выполнить свою основную задачу — земельное уравненіе. Этимъ и заняты были слѣдующія династіи — отъ Цзиньской (265-419) до знаменитой Танской (619-906). Реформы, проведенныя этими династіями, не вели къ возстановленію колодезной системы. Но цѣль ихъ та же: «Уравнять землю во вселенной». Содержаніе реформъ слѣдующее. Государство не конфисковало земли у крупныхъ владѣльцевъ. И не запрещало покупку и продажу земельныхъ участковъ. Но оно устанавливало нормальный надѣлъ; и разрѣшало покупку и продажу только въ предѣлахъ нормы. «Можно продать излишекъ и можно купить недостатокъ. Нельзя продать «норму», нельзя купить больше». Такимъ образомъ, оборотъ земли велъ не къ ея сосредоточенію въ рукахъ немногихъ, а къ уравнительному распредѣленію среди всѣхъ. Съ своей стороны государство наръзало

(\*) *Mabel Ping-Hua Lee. The economic history of China. N. Y. 1921.*

надѣлы всѣмъ несимущимъ. Часть надѣла давалась въ вѣчное владѣніе, часть во временное пользованіе. Когда землевладѣлец достигалъ податного возраста, онъ получалъ надѣлъ; когда достигалъ возраста, освобождавашаго отъ податного обложенія, лишался и надѣла. Вернувшаяся къ государству земля наръзана, въ первую очередь, родственникамъ бывшаго владѣльца. Если на землю претендовали двѣ семьи, получала бѣднѣйшая. Земельный законъ Танской династіи (624 года) гласилъ: «Каждому человѣку, съ 18 лѣтъ, будетъ дано 100 му; старому и больному — 40 му; вдовѣ — 30 му; если она — глава семьи, еще 20 му. Всѣ они получаютъ 20 му въ вѣчное владѣніе и остальное, какъ подушный надѣлъ («на ротъ»). Подушный надѣлъ — та доля каждаго, которая принадлежитъ государству. На вѣчномъ участкѣ должно быть посажено установленное количество деревьевъ, которые подходятъ къ мѣстности. Гдѣ земли достаточно для распредѣленія среди народа, тамъ мѣстность называется «тѣсной»; гдѣ земли недостаточно — «просторной». Въ тѣсной мѣстности размѣръ надѣла — половинный. Если земля обрабатывается разъ въ два года, размѣръ надѣла — двойной. Ремесленники и купцы, въ просторной мѣстности, получаютъ половину надѣла; въ тѣсной — ничего. Кто переселяется въ другую мѣстность или такъ бѣденъ, что не имѣетъ, чѣмъ похоронить покойника, можетъ продать свой вѣчный участокъ. Кто переселяется изъ тѣсной въ просторную, можетъ продать даже подушный надѣлъ. Но послѣ этого онъ больше не получитъ ничего. Когда владѣлецъ участка умираетъ, земля отбирается и дается тому, у кого нѣтъ. Въ 10-й мѣсяцъ каждаго года производится распредѣленіе земли — кто возвращаетъ землю, кто получаетъ. Въ первую очередь, земля надѣляется бѣднымъ и тѣмъ, кто платятъ налоги, и тѣмъ, кто отправляетъ общественную работу». Таковъ законъ, опредѣлившій земельные порядки Танской династіи. Послѣдствія его были удивительны: государство процвѣтало, народъ благоденствовалъ, и культура достигла такой высоты, какъ никогда позже. Танская эпоха — «золотой вѣкъ» китайской исторіи.

Съ 8 вѣка п. Р. Х. уравнильный земельный строй снова приходитъ въ упадокъ и, на этотъ разъ, окончательно. Китайская культура, достигнувъ большихъ высотъ, начинаетъ склоняться къ закату. Духовное твор-

чество изсякает; государство теряет внутреннюю силу. Последнее тысячелѣтіе китайской исторіи — упадочное. Китай еще переживаетъ эпохи «возрожденія». Но это «возрожденія» — закатныя: въ нихъ много красоты и утонченности; въ нихъ нѣтъ подлинной творческой силы. вмѣстѣ съ упадкомъ духовной культуры и государственности, приходитъ въ упадокъ и земельный строй. Уравнительная система земельного распределенія возможна только при сильной государственной власти и стройномъ аппаратѣ управления. Когда государственная власть безсильна, земельные законы — какъ всѣ законы социальнаго порядка — мертвыя буквы. Объ этомъ и повѣствуютъ китайскія хроники послѣдняго тысячелѣтія. Уже въ 8 вѣкѣ земельные законы Танской династіи не примѣнялись въ жизни. Земля еще считалась государственной. Еще каждый несимущій имѣлъ право на земельный надѣлъ. Но, фактически, земельные участки — какъ вѣчные, такъ и подушные — переходили изъ рукъ въ руки, безъ всякихъ ограниченій, и, въ результатѣ, крики обездоленныхъ и «бездомныхъ бѣдныхъ» снова терзали небо. Богатые и сильные пожирали горы и болота, безъ всякаго страха передъ правительственными постановленіями, а бѣдные и слабые не имѣли мѣста для жизни и принуждены были стучаться въ чужія двери. «Подлинно царство Танское — говоритъ хронистъ — не имѣло любви и состраданія къ народу, когда предоставило его собственному произволу продавать поземельные участки, не только родовые, но и подушные, и переселяться съ мѣста на мѣсто»<sup>\*)</sup>. Слѣдующая за Танской династія — Сунская (960-1280) напрягала силы, чтобы поддержать въ земельной политикѣ старыя традиціи. Министры и правители спорили: можно ли возстановить колодезную систему; какими мѣрами уравнивать землю и снабдить народъ необходимымъ. И, если многіе возражали противъ возстановленія колодезной системы, а нѣкоторые считали несуществимой и политику «ограниченій», то соображенія ихъ были, исключительно, техническія: сложность и тонкость системы; невозможность провести ограниченія въ жизни. Никому и въ голову не приходило утверждать незакон-

<sup>\*)</sup> Козановскій. Землевладѣніе и земледѣліе въ Китаѣ. Владив. 1909.

ность конфискаціи земли у богатыхъ, и догма о земельномъ равенствѣ оставалась неизблемой. «Я хочу возстановить колодезную систему — говорилъ императоръ Тай-цзунъ — но это невозможно». Потому примѣняли «измѣненную» колодезную систему, «имитированную» колодезную систему и, потерѣвши неудачу на такихъ попыткахъ, ограничивались компромиссными мѣрами: конфисковали имѣнія богатыхъ, устанавливали высшіе размѣры владѣній, нарезали неимущимъ надѣлы изъ свободныхъ государственныхъ запасовъ. Цѣль всѣхъ этихъ мѣропріятій всегда одна и та же: «Использовать всю рабочую силу народа и все плодородіе почвы»; «раздѣлить землю такъ, чтобы владѣніе народа отвѣчало его силѣ»; «распредѣлить землю по количеству ртовъ, чтобы каждый имѣлъ достаточно для исправнаго хозяйства и чтобы каждый былъ доволенъ и счастливъ своимъ владѣніемъ». — Последнія три династіи еще въ меньшей мѣрѣ могли руководить земельною жизнью народа. И при этихъ династіяхъ государственная власть боролась съ земельными владѣніями богатыхъ; и при этихъ династіяхъ неимущимъ нарезали земельные надѣлы; и при этихъ династіяхъ правители переводили земледѣльцевъ изъ плотно населенныхъ мѣстностей въ слабо населенныя, снабжали поселенцевъ скотомъ и орудіями, сажали на землю воиновъ и даже преступниковъ освобождали отъ наказаній съ тѣмъ, чтобы они обрабатывали землю. Но все это, и въ малой мѣрѣ, не напоминало грандіозныхъ мѣропріятій прежнихъ династій. Государственная власть ограничивала свое право вмѣшательства въ хозяйственную жизнь народа минимумомъ; и не столько по мудрости, сколько по слабости. Вѣшняя мощь имперіи еще была велика. Но внутренняя сила государства окончательно надломлена. И, если, тѣмъ не менѣе, и при этихъ династіяхъ, хозяйственная жизнь Китая текла почти безъ измѣненій, земля давала обильные урожаи, и земельныя владѣнія были распредѣлены съ большою равномерностью, причина лежала не въ государствѣ. Китай обязанъ былъ этимъ своему народу: его преданности старымъ традиціямъ, его вѣрности Святому ученію, его глубокой хозяйственной мудрости.

Современное состояніе земельного строя Китая таково. Вся земля считается государственной. По китайскимъ понятіямъ, ни одинъ подданный не можетъ предъявить

свое право владѣнія въ противность воли Императора\*). Но, фактически, власть Императора надъ землею — номинальная, и государство почти не вмѣшивается въ земельные порядки. Обработанныя земли находятся во владѣніи частныхъ лицъ; необработанныя только охраняются государствомъ и предоставлены для занятія каждому. Права частныхъ лицъ на землю, юридически, почти ничѣмъ не ограничены: можно продавать, закладывать и передавать землю по наслѣдству. Но, фактически, характеръ земельного владѣнія въ Китаѣ радикально отличенъ отъ западнаго. По китайскимъ понятіямъ, земля дана человѣку для пропитанія; и присутствіе могилы предковъ придаетъ землѣ характеръ святыни. Потому, оборотъ земли, для китайцевъ, — явленіе ненормальное. Покупка земли принимается, какъ неизбѣжное зло; продажа считается несогласной съ долгомъ почитанія; земельная спекуляція — кощунство и преступленіе. Китаецъ идетъ на продажу земли только въ крайней нуждѣ. Продавая, предлагаетъ землю, прежде всего, родственникамъ; и гдѣ родъ силенъ, земля рѣдко переходитъ въ чужія руки. Если землю не берутъ родственники, ее покупаютъ односельчане. Въ запродажныхъ актахъ китасецъ оправдывается: «Такъ какъ мнѣ всячески нужны наличныя деньги, всё же средства получить таковыя исчерпаны мною»...; «такъ какъ я нуждаюсь въ наличныхъ деньгахъ для серьезной цѣли...». Національная форма продажи — «живая продажа съ правомъ выкупа». По истеченіи опредѣленнаго срока, продавецъ имѣетъ право выкупить отчужденную землю, уплативъ покупную сумму. Но и въ случаяхъ «окончательной» продажи права стараго владѣльца на землю не погашаются полностью. Доведенный до нищеты, онъ обращается къ новому владѣльцу съ требованіемъ помощи и, обычно, получаетъ ее, подписавъ «билетъ милосердія», и такъ повторяетъ нѣсколько разъ — не только онъ, но и его потомки\*\*). Такова вѣра китайцевъ въ неотчуждаемость земельного владѣнія. «Земли предковъ», занимающія окло 1/7 части обработанной площади, неотчуждаемы и въ настоящее время. При наслѣдованіи, земля дѣлится

\*) *Fargenet. Le peuple Chinois. Paris. 1906.*

\*\*\*) *Pierre Hoangc. Notions techniques sur la propriété en Chine. Chang-Ha<sup>t</sup>. 1897.*



между сыновьями покойнаго на равныя части. Права посмертнаго завѣщанія не существуетъ. — Если право распоряженія землею, юридически, почти неограничено, то «право злоупотребленія» рѣшительно отвергается и закономъ. Владѣлецъ земли отвѣтствененъ передъ государствомъ за правильную обработку участка. Если земля плохо обрабатывается, не только владѣлецъ, но и старшины деревни могутъ быть подвергнуты наказанію. Если земля три года не обрабатывается, она конфискуется и передается бѣднымъ. — «Дикія», незанятая земля — свободное достояніе народа. Каждый можетъ занять столько земли, сколько соответствуетъ его «сидѣ». Единственное условіе — немедленная обработка. По истеченіи опредѣленнаго срока, занявній безхозяйную землю получаетъ на нее крѣпостной актъ\*). — Отвращеніе къ земельному обороту, равный раздѣлъ земли между наследниками, свободная заимка нови ведутъ къ крайней дробности владѣнія. Земельныя латифундіи — явленіе, Китаю неизвѣстное. Владѣніе въ 20 дес. считается крупнымъ. Въ 100 д. — рѣдкое исключеніе. На провинціи въ 30-40 милліоновъ жителей — 3-4 владѣнія въ 300-500 десятинъ. Среднее владѣніе — 8-15 му (му — 1/16 дес.). Но много владѣній въ 2-3 му и меньше. Если крупное владѣніе — исключеніе, то крупное хозяйство совсѣмъ неизвѣстно. Владѣющіе болѣе 10 дес. сдаютъ излишекъ въ аренду; при чемъ права арендатора защищены и обычаемъ и закономъ. Т. о. китайское земледѣльческое хозяйство — исключительно мелкое. Что не мѣшаетъ ему быть самымъ интенсивнымъ въ мірѣ. Хозяйство въ 15 му легко кормитъ семью въ 5-6 человекъ. Минимальное количество, потребное на одного человека, — 1/16 дес. За то и цѣнность земли — сказочная. Есть мѣстности, гдѣ десятина стоитъ отъ 8 до 10 тысячъ рублей золотомъ. — Дробное земельное владѣніе — основа китайской демократіи. Китайское государство зиждется на сліянніи человека съ землею. Милліоны людей трудятся въ своихъ крошечныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ. Земледѣлецъ и хозяинъ — понятія, почти совпадающія. Воистину, въ Китаѣ земля

\*) *Franke. Die Rechtsverhältnisse am Grundeigentum in China. Leipzig. 1903.*

*Journal of the China Branche of the Royal Asiatic Soc. T. XXIII. No 2. 1880.*

принадлежит тому, кто на ней работает. На всемъ земномъ шарѣ нѣтъ государства, гдѣ право человѣка на землю осуществлено съ такой полнотой.

Таковъ земельный строй Китая.

Европейцы установили догму: земля творитъ тамъ, гдѣ она во власти *собственника*; оборотъ земли приводитъ ее въ руки *хозяина*; рациональная обработка земли возможна только въ *крупномъ* хозяйствѣ. Китай учить обратному: китайская земля, тысячелѣтн, не знала *собственнической* власти; оборотъ земли вводилъ ее въ руки хищника; самая интенсивная въ мѣрѣ обработка земли велась въ *миниатюрномъ* хозяйствѣ. То же — о земельномъ распределеніи. Европейцы утверждаютъ: земельное равенство — *начало* культуры; ростъ культуры ведетъ къ неравенству; земельное уравниеніе — *смерть* хозяйства. Китай учить: земельное равенство — *вершина* культуры; распадъ культуры ведетъ къ неравенству; земельное уравниеніе — *основа* хозяйства. Споръ — кто правъ — невозможенъ. Культуры едины. И хозяйства — только формы культуры. Можно ли мѣрой культуры западной мѣрить форму культуры восточной. И такъ же безцѣльно обратное. Если споръ возможенъ, то объ одномъ: какая культура цѣлостнѣй; гдѣ форма культуры тѣснѣе слита съ ея духовнымъ содержаніемъ; гдѣ хозяйство больше отвѣчаетъ душѣ народа. И нѣтъ сомнѣнія, что, въ этомъ спорѣ, побѣда на сторонѣ Китая. Въ томъ и сила Китая, что его культура цѣльна, какъ монолитъ. Въ томъ и сила его хозяйства, что, какъ эхо голосу, оно отвѣчаетъ душѣ народа. Что одна мелодія звучитъ въ хозяйствѣ и вѣрѣ, на землѣ и на небѣ, въ человѣкѣ и Тао.

Человѣка прообразъ — земля.

Земли прообразъ — небо.

Неба прообразъ — Тао.

Тао прообразъ — Тао\*).

И, если, по образу земли, неба и Тао, созданъ человѣкъ, то, по образу человѣка, создано его хозяйство; и, въ особенности, хозяйство земельное. Вотъ почему, въ крошечномъ земельномъ хозяйствѣ, какъ въ каплѣ солнце, отражается вся культурная громада Китая. Вотъ почему,

\*) *Laotse, Tao te King. Uebers. von Wilhelm. Iena. 1923.*

«поле — колыбель Китая». Вотъ почему, такое потрясающее впечатлѣніе вѣчности и безсмертія производитъ земледѣльческій Китай.

И оттого, что культура Китая цѣлостна; что матеріальное и духовное въ ней слиты воедино; что земля и небо отражаютъ другъ друга, нѣтъ въ Китаѣ того страшнаго, что такъ поражаетъ на Западѣ: разрыва между жизнью и Ученіемъ, между сущимъ и должнымъ, между бытіемъ и идеаломъ. Жизнь — только несовершенно воплощенное Ученіе; и Ученіе — совершенная жизнь. Сущее и должное различны въ степени, но не въ качествѣ. Бытіе корнямъ своими уходитъ въ идеаль. Потому, въ душѣ народа, нѣтъ раздвоенія, нѣтъ тоски по невозможному, нѣтъ стремленія въ неизвѣстное. Вся жизнь — гармоничная и умиротворенная. Тиха печаль, и спокойна и сладостна радость. И не фантазіей утописта и мечтателя, а трезвой мудростью Строителя жизни звучатъ слова святаго Куна:

«Кунъ-цзы сказалъ —

Когда человѣчество шло по Пути добродѣтели, вселенная не принадлежала одной семьѣ; вожди народа избирались среди самыхъ мудрыхъ и достойныхъ; и миръ и согласіе царили среди людей. Тогда дѣти любили не только своихъ родителей, но и родителей другихъ; тогда родители заботились не только о своихъ дѣтяхъ, но и о чужихъ. Тогда старики имѣли пропитаніе до конца ихъ дней; и взрослые имѣли работу; и дѣти имѣли необходимое, чтобы расти. Тогда вдовцы и вдовы, сироты и бездѣтные, слабые и больные находили поддержку. Тогда боялись, чтобы богатства пропадали даромъ въ землѣ; но не считали нужнымъ, чтобы они принадлежали одному. Тогда работали, не жалѣя силъ; но работали не только для самихъ себя. Потому, дурные умыслы умирали, не осуществившись въ жизни. Потому, исчезли воры и разбойники, бунтовщики и измѣнники. Потому, двери въ домахъ были открыты и не запирались. Воистину, это было время Великаго братства и единенія\*).

\*) *Li Ki*. Trad. par Couvreur. Ho Kien fou. 1899. 2 volumes. *Tsen Tsomming*. La Chine paclique. 1924.



Востокъ многоликъ и необъятенъ. Китай только — одна изъ вершинъ. Есть другія, болѣе высокія — Египеть, Вавилонъ, Индія. И цѣлый рядъ низшихъ. Когда европейскій путешественникъ поднимается на вершину Монблана, ему кажется, что онъ на вершинѣ міра. Но это только самообманъ жителя полуострова. На Великомъ континентѣ — десятки горныхъ массивовъ, каждый изъ которыхъ превосходитъ Альпы. И на хребтѣ, отдѣляющемъ Индію отъ Тибета, 15 вершинъ, выше Монблана. То же о культурныхъ высотахъ. Культурный массивъ Запада громаденъ, и высоко въ небо уходятъ его вершины. Но онъ поражаетъ только тѣхъ, отъ кого скрыты міровые горизонты! Востокъ необъятенъ, какъ континентъ — безбрежны его дали, и недостижимы высоты; и малымъ кажется массивъ Запада тѣмъ, кому открылась его духовная громада. — И чудное дѣло совершается на нашихъ глазахъ: по мѣрѣ того, какъ раскрываются міровыя дали, по мѣрѣ того, какъ становятся доступными сокровища Востока, великая тоска охватываетъ душу западнаго человѣка. Тѣснымъ и душнымъ кажется ему его маленькій полуостровъ; неглубокой и виѣшней — его родная культура; холодно и одиноко ему въ окружающей его духовной пустынѣ. Его тянутъ къ себѣ просторы континента; влекутъ высоты, на которыя еще не вступала нога человѣка. Онъ ищетъ неизвѣданныя глубины духа; жаждетъ подлиннаго духовнаго обновленія. И, если великъ кризисъ, переживаемый въ настоящее время Западомъ, и остро сознаніе его заката, то причина не только въ дѣйствительномъ увяданіи западной культуры: бо́льшую роль играетъ Востокъ — его раскрывшіяся вершины, его несравненное духовное превосходство. — И еще острѣе тоска русскаго человѣка. Странникъ на Западѣ, онъ неудержимо влечется въ родную восточную стихію. Ибо Россія только краемъ слита въ западнымъ полуостровомъ. Ея просторы — просторы Континента; ея высоты — высоты Азіи. И что главное: ея духовныя истоки — истоки Востока. Въ часъ смертельнаго испытанія, когда отчетливо встаютъ въ сознаніи настоящее и прошлое, явное и скрытое, стало такъ ясно, что Россія, въ культурѣ своей, — не только западная, но и восточная. Пусть западное занимаетъ

большую часть ея духовной жизни, пусть оно покрываетъ всю поверхность ея матеріальнаго бытія — восточное въ ней глубже, первоизданіе и, потому, подлиннѣй и неискоренимѣе. Что влечетъ Россію къ Востоку? — Его отношеніе къ міру; его связь съ природой и Богомъ; его духовность и религіозная настроенность; его устремленность къ абсолютному и вѣчному; пронизанность всей его жизни моральными и духовными началами; иная іерархія началъ — подчиненіе началъ матеріальныхъ духовнымъ, внѣшнихъ внутреннимъ; сліяность человѣка съ коллективомъ; цѣлостность и органичность коллективной жизни. Можно спорить о цѣнности восточнаго строя культуры. Можно доказывать, что западный строй жизненнѣй и выше. Нельзя отрицать одного: что восточный строй чѣмъ-то близокъ и родствененъ русской душѣ, и что тяга Россіи къ Востоку — не случайное и временное, а коренное и неизбывное. Для тѣхъ же, кто утверждаютъ Востокъ, для кого его цѣнности — безусловное и вѣчное, для тѣхъ большая радость въ томъ, что Россія возвращается къ этимъ цѣностямъ и что на нихъ она будетъ строить свою новую жизнь. — И, если споръ необходимъ, то о другомъ. Съ чѣмъ возвращается Россія изъ своихъ странствій по Западу? Что несетъ она въ своемъ устремленіи къ Востоку? И здѣсь для Россіи соблазнъ: отрясти прахъ Запада отъ своихъ ногъ; взять отъ Запада только внѣшнее — что опредѣлило его мощь среди народовъ, что дало ему владычество надъ міромъ: его матеріальную культуру — технику, машины, индустрію; его хозяйственный строй — собственность, господство капитала, свободную борьбу интересовъ. Можетъ показаться: если слить матеріальную культуру Запада съ духовной Востока, если технически и хозяйственно «европеизировать» Россію и духовно ее овосточить, изъ сліянія выйдетъ Россія совершенная — матеріально равноправная народамъ Запада и, въ то же время, духовно ихъ превосходящая. Къ такому сліянію и стремятся сторонники «исхода къ Востоку»<sup>\*)</sup>. Если это случится, если Россія пойдетъ по такому пути соединенія восточной и западной культуры, судьба Россіи будетъ трагичной. И не только потому, что матеріальная и хозяйственная система Запада — самое несовершенное,

<sup>\*)</sup> *Исходъ къ Востоку. 1921. — На путяхъ. 1922. — Евразійскій временникъ. 1923.*

что есть въ западной культурѣ. Но еще больше потому, что эти формы западной культуры, въ основѣ своей, несліяны съ началами культуры восточной. Можно ли прививать Россіи матеріальныя начала Запада и стремиться къ ея «американизациі» и, въ то же время, требовать подчиненія матеріальнаго духовному и томиться о «градѣ нездѣшнемъ»? Есть мѣра умноженія матеріальныхъ благъ, которая почти механически убиваетъ духовную жизнь человѣка. И та мѣра, которую требуетъ матеріальная культура Запада, такъ велика, что для достиженія ея нужны всѣ силы человѣка — все напряженіе его творческой энергіи. Развѣ случайно, 20-й вѣкъ — вѣкъ высшаго расцвѣта матеріальной культуры Запада — вмѣстѣ съ гѣмъ, вѣкъ увяданія его духовнаго творчества? Развѣ случайно, технически, самая совершенная страна міра — Америка — духовно, въ мірѣ, самая нищая? И еще менѣе возможно сліяніе хозяйственной системы Запада съ культурой Востока. Хозяйственная система Запада построена на человѣческомъ эгоизмѣ, на борьбѣ человѣка съ человекомъ, на самодержавной власти человѣка надъ вещами и на конечномъ порабоженіи вещамъ человѣка, на насиліи одного класса надъ другими, на экономическомъ и социальномъ неравенствѣ. Можно ли совмѣстить эти начала съ началами Востока: любовью къ природѣ, связью человѣка съ коллективомъ, построеніемъ жизни на моральныхъ и религіозныхъ основахъ? — Внутренне противорѣчивыя, начала не только не сольются — они вступятъ другъ съ другомъ въ борьбу и создадутъ глубокой разрывъ въ культурномъ строеніи Россіи. И чѣмъ бы ни кончилась борьба — побѣдой восточныхъ началъ надъ западными или западныхъ надъ восточными — борьба будетъ длительной и тяжелой, и судьба Россіи трагичной. Можно предвидѣть трагическую судьбу своей родины и можно считать ее неизбѣжной — нельзя своей родиной желать такой судьбы и своими руками ее строить. — Сторонники Востока должны стремиться къ иному. Надо, чтобы Россія не вернулась нищей изъ своихъ страстей по Западу. Надо, чтобы она взяла оттуда все доброе и цѣнное. Надо, чтобы, въ историческихъ судьбахъ своихъ, она не металась отъ Востока къ Западу и отъ Запада къ Востоку; но чтобы, въ волѣ своей, она утверждала и Востокъ, и Западъ и чтобы, въ творческомъ созданіи своемъ, сливала ихъ подлинное и вѣчное. Только, подлинное и вѣчное Запада,

конечно, не въ матеріальной культурѣ его и не въ его хозяйственномъ строѣ. Подлинное и вѣчное — въ его духовныхъ достиженіяхъ: вольной мысли, человѣческой свободѣ, творческой личности. На этихъ цѣнностяхъ стоитъ Западъ. Эти цѣнности внесъ онъ въ міровую сокровищницу культуры. Этими цѣнностями равноправенъ онъ Востоку. Эти цѣнности и должна Россія слить съ духовными цѣнностями Востока. Это должна она сдѣлать не только потому, что отказаться отъ духовныхъ цѣнностей Запада — непрощаемый грѣхъ: увидѣть подлинное и забыть о немъ, заглянуть въ вѣчное и отвернуться. Она должна это сдѣлать и потому, что только эти цѣнности сліяны съ цѣнностями Востока. Въ томъ и сила подлинныхъ цѣнностей, въ какомъ то высшемъ синтезѣ, онѣ сливаются просто и гармонично. Къ этому высшему синтезу и должна стремиться Россія. Это и есть ея назначеніе въ мірѣ, которое, сознательно или неосознанно, утверждали ея духовные вожди. Взять вѣчное Запада и вѣчное Востока и изъ сліянія ихъ создать новую духовную систему. И на духовной системѣ строить матеріальное благополучіе Россіи и ея хозяйственный строй. Возможно, что такъ построенная матеріальная система Россіи, количественно, будетъ уступать системѣ Запада. Возможно, что ея хозяйственный строй не будетъ создавать столько благъ, сколько ихъ создаетъ западный хозяйственный строй. Зато, между матеріальной и духовной системой Россіи не будетъ зіяющаго разрыва. Зато, ея хозяйственный строй будетъ жизнєннѣй, гармоничнѣй и прекраснѣе. И родится надежда, что судьба Россіи не будетъ исключительно трагичной. — Судьба народа, только въ малой мѣрѣ, опредѣляется духовнымъ сознаніемъ его вождей. Жизнь ведетъ его путями, для человѣческаго разума, обычно, непостижимыми. И, тѣмъ не менѣе, только тотъ народъ можетъ быть великимъ, который осознаетъ свое назначеніе въ мірѣ. И который напрягаетъ волю, чтобы это назначеніе выполнить. Это законъ для всѣхъ народовъ. Это законъ и для Россіи.

И. Бунаковъ